

**ВПЕРВЫЕ
ТРУДНИКОМ**

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Возрождение	3
Глава II. Первые послушания в монастыре	10
Глава III. Снова на духовной Родине	27
Глава IV. ...и камни возопиют	35
Глава V. О, дивный остров Валаам!	42
Глава VI. Послесловие	56

Глава I. Возрождение

*Струн провода, ток по рукам,
Телефон на все голоса говорит: "Пока!" Пора.
И пальто на гвозде, шарф в рукаве,
И перчатки в карманах шепчут:
"Подожди до утра!" До утра.*

*Но странный стук зовёт: "В дорогу!"
Может сердца, а может стук в дверь.
И когда я обернусь на пороге,
Я скажу одно лишь слово: "Верь!"*

*И опять на вокзал, и опять к поездам,
И опять проводник выдаст бельё и чай,
И опять не усну, и опять сквозь грохот колёс
Мне послышится слово: "Процай!"*

*И снова стук зовёт в дорогу!..
Может, сердца, а, может, стук в дверь...
В.Цой*

- Так что вам уж никуда не хотелось, никуда вас не позывало? – спросила Александра.

- Сначала, с самого начала, да, позывало, и я впадал в большое беспокойство. Всё думал, как я буду жить; свою судьбу хотел испытать, особенно в иные минуты бывал беспокоен. Вы знаете, такие минуты есть, особенно в уединении. У нас там водопад был, небольшой, высоко с горы падал и такую тонкою ниткой, почти перпендикулярно, — белый, шумливый, пенистый; падал высоко, а казалось, довольно низко, был в полверсте, а казалось, что до него пятьдесят шагов. Я по ночам любил слушать его шум; вот в эти минуты доходил иногда до большого беспокойства. Тоже иногда в полдень, когда зайдешь куда-нибудь в горы, станешь один посредине горы, кругом сосны, старые, большие, смолистые; вверху на скале старый замок средневековый, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна; солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вот тут-то, бывало, и зовет всё куда-то, и мне всё казалось, что если пойти всё прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь!..

Ф.М.Достоевский, «Идиот»

Ох, как давно меня звало что-то туда, за горизонт! Как хотелось убежать подальше! Уехать спонтанно, никому не сказав ни слова! Каждый раз, проезжая мимо железнодорожных путей или вокзалов, я мысленно выстраивала свой маршрут, с невероятным усилием удерживая свои ноги от решительного шага.

Все зимние праздники я продумывала свой «побег». У меня даже была заготовлена одежда, деньги и рюкзак с необходимыми вещами. Я рассматривала поездки на пару-тройку дней в Подмоскovie в православные храмы. Звенигород? Дмитров? Нет, слишком близко от Москвы... Мне хотелось как можно дольше ехать на электричке... Сергиев Посад? Однажды я была там с экскурсией для школьников... Зато около полутора часов езды по рельсам... Но тогда я так и не решилась. Опять!

Мне вспоминались рассказы о людях, которые каждый день мечтали осуществить своё желание, но то обстоятельства не благоволили им, то вдруг они, как только, казалось бы, всё благоприятствует, резко отказываются от своей мечты. Неужели так будет и со мной? Глупо. Нелепо.

В случайном разговоре с мамой во вторник, 22-го января, я поведала маме о своей мечте-поездке. Мама была крайне удивлена тем, что я ей ничего раньше не говорила,

пристыдила меня за это, но тут же отпустила, даже настаивая на путешествии: вид у меня был болезненно-измученный, я дико от всего устала, сил нет... «Держаться нету больше сил», как говорила птица-Говорун...

На следующий день я написала на работе заявление на административный отпуск на два дня за свой счёт, с большим трудом доработала, после чего почти забежала в магазин и скорее направилась домой. Изучила и сфотографировала расписание электричек, забронировала гостиницу в центре города, собрала вещи, изучила информацию о достопримечательностях Сергиева Посада и его окрестностей...

Ложась спать, мне стало жутковато: неужели я наконец сделаю то, о чём так долго мечтала? Я начала вскоре задрёмывать.

И тут произошло то, во что поверить и мне до сих пор трудно... Как только я начала засыпать, будучи почти в сонном состоянии, я с ужасом ощутила на своих волосах непонятное шевеление... Приложив голову к матрасу, я слышала будто чьи-то хлопки по кровати.

Когда я, очнувшись от сна, поняла, что всё происходит на самом деле, я, желая открыть глаза и буквально за миг остановившись от этого действия, не желая раскрыть веки, с диким ужасом ощутила снова будто чью-то руку на своих волосах. Подобно этому ужасу я не испытывала давно... Даже сейчас волосы начинают шевелиться на голове, когда я вспоминаю произошедшее той ночью.

Зная, что я вроде бы уже сплю, но с каждой секундой всё отчётливей и отчётливей понимала, что всё происходящее мне не снится. Это был сущий ужас! Будто нечистые силы узнали о моих намерениях и захотели атрофировать мои мысли-желания. С закрытыми глазами я будто видела, что у двери комнаты находится что-то тёмное и злое. Глаза я так и не открыла, хотя в голове моей путались мысли и уже зарождались сомнения насчёт поездки...

В прошлом году я с двумя коллегами собралась в один подмосковный скит, где служит батюшка отец С., приезжающий к нам в школу с лекциями о Боге. Мы договорились встретиться на нашей станции в 8:30. Утром у меня впервые за много лет не прозвонил будильник, что само по себе уже было нонсенсом, а мама позже сказала, что, проснувшись, хотела встать разбудить меня, но вдруг неожиданно для себя провалилась в сон. В итоге я проснулась в 8:00 и, понимая, что я уже не успею на станцию, звоню старшей коллеге. Она порекомендовала быстро собраться и поймать машину, как я и сделала впоследствии. Машина подъехала к станции быстро, но, к великому удивлению моему и водителя, он проехал мимо, так что пришлось разворачиваться и возвращаться. И всё же я приехала на встречу первой. «А я ещё думала тебя предупредить, чтобы ты поосторожней и повнимательней была! В такие дни нечисть постоянно мешает! Батюшка говорит, *борьба идёт за каждую душу...*»

Утром я проснулась рано – около шести. Быстро собралась и вышла из дома. Маршрутка подошла тут же. По моим подсчётам в столь ранний час не должно быть пробок. Но, выехав на шоссе, машина встала. С ужасом я подумала о том, что могу не успеть на электричку: одна в 9:07, другая в 9:31, после чего длительный перерыв часов до 12. А заселение в гостинице с 14, да и ехать около полутора часов, да там ещё от станции добраться. Я решила положиться на Божью волю, достала молитвослов и начала читать утренние молитвы. Буквально через четверть часа машина снова поехала почти без затруднений.

На Ярославский вокзал я приехала немного заранее. Купив билет, прошла на нужную платформу. Поезд уже стоял. Зайдя в вагон и уютно расположившись у окна, я взглянула на часы: ровно 9. Кроме меня в вагоне было двое: молодой мужчина позади и дама в возрасте спереди. Отправление через пять-шесть минут. В голове пульсировало: «В дорогу, в дорогу!» Вдруг раздался голос машиниста: «Электричка отправится в 9:31». Дама начала возмущаться. «Хорошо, что пораньше приехала: вдруг ту отменили бы! – подумалось мне. – Ну, ладно. Ещё полчаса посидеть... Немного... Дольше ждала и шла к

этому... Странно, что я почти не думаю о работе и о возможной «погоне» в виде звонков и сообщений на телефон, будто и впрямь убегаю...»

«Электричка на Сергиев Посад отправится в 9:07 с десятого пути. Повторяю...» - снова как гром среди ясного неба раздался уже знакомый голос.

И вот я уже так же сижу, только в другом поезде. Это было последним, третьим, препятствием в пути. Через пару минут двери закрылись, а поезд, слегка покачиваясь, медленно уносился в зимние тёмные предрассветные дали... Людей в вагоне стало больше, но я сидела одна, занимая как бы сразу две скамьи друг напротив друга. Справа я поставила пакет с продуктами, а слева у окна под локоть положила рюкзак.

Мысли становились всё прозрачней, а на душе всё легче... В ушах звучали песни из фильмов «Брат», «Брат-2», «Бумер», «Сёстры», «Бригада», «Зал ожидания», «Ты у меня одна»... Такие родные и ещё более любимые мелодии в момент пути...

Во время дороги первое время я читала мудрые высказывания Оптинских старцев, от которых душа начала отогреваться. Но вскоре я отложила книгу и устремила свой взор в заснеженные дали. Дома с каждой станцией становились всё ниже, деревья выше, шапки на елях больше, сугробы величественнее, дороги заснеженнее. Тихо вокруг, красиво и покойно. Немного спустя домов практически не было видно совсем. Лишь редкие избышки в снегах среди лесов. В этот момент я желала, чтобы дорога длилась как можно дольше.

Через полтора часа я вышла на заснеженную платформу. Уже рассвело, но солнца не было. Я направилась в Троице-Сергиеву Лавру – главный монастырь Сергиева Посада. Вознесенская улица вела вниз, домики окаймляли дорогу с обеих её сторон маленькие, будто игрушечные. Время от времени я останавливалась и делала снимки с нескрываемым восхищением. Редкие прохожие смотрели заинтересованно и дружелюбно.

Очень скоро я оказалась на возвышенности, откуда открывалась удивительная неприступно-величественная панорама Лавры и центра города. Спустившись по дорожке вниз, я зашла в часовню в овраге у речки, внутри которой оказался святой источник.

И вот я у Лавры. Памятник преподобному Сергию Радонежскому, множество голубей у входа. Пройдя через Красные ворота, я наконец очутилась внутри, в сказке наяву. Побродив по территории, сделав снимки, я зашла в книжную лавку, где приобрела путеводитель по Лавре, книгу под заинтересовавшим меня названием «Научные доказательства существования Бога»... Выйдя из Лавры, я опустила взгляд на часы: было около двенадцати. В гостиницу ещё рано. Я отправилась осматривать окрестности. Рядом стояли просящие милостыню, в моём кармане уже была приготовленная заранее мелочь, которая закончилась очень быстро к моей неожиданности и грусти, что так много пожилых (и не только) людей нуждаются в каждом рубле.

Пройдя дальше, я увидела церковь, выкрашенную в голубой цвет. Это церковь Святых Петра и Павла. Пройдя мимо, я зашла в торговые ряды, купила себе любимый томатный сок, после чего направилась в гостиницу. Подходя к ней, я мечтала, чтобы окно моего номера выходило на колокольню Лавры... Зашла я в гостиницу в час, уже изрядно подуставшая и проголодавшаяся. На удивление быстро мне дали ключ от номера на втором этаже. И вот я в номере. Чисто, всё новенькое, приятный запах. А окно... Окно выходит на стройную и изысканную пятиярусную колокольню Соборной площади Лавры! И в номере раздавались перезвоны её колоколов...

Быстро перекусив и разложив необходимые вещи, я достала листок с перечнем заветных мест Сергиева Посада и близлежащих к нему. Ближайшим был Черниговский Гефсиманский скит, до которого прямо от гостиницы можно было дойти пешком минут за сорок. Правда, одна молодая женщина на улице порекомендовала мне заказать такси, утверждая, что своим ходом добраться до скита довольно трудно. Но я же приехала погулять! Кстати, та женщина с большим интересом расспрашивала о том, откуда я приехала («из Москвы? Ничего себе!»), надолго ли («скорее всего до утра воскресенья»), с

какой целью («в Лавру и по другим монастырям...») - «Какая молодец! Одна и не боится!..» Настоящая паломническая поездка!..)

Нужная маршрутка подошла быстро. И вот я уже еду по пустынным улочкам, утопающим в снегу. На несколько минут из-за облаков выглянуло солнце, тут я убедилась окончательно, что попала в настоящую сказку... Было трудно поверить в этот светлый момент, что всего этого могло и не быть, чуда могло не случиться, и я бы сейчас с натянутой улыбкой, превозмогая себя, трудилась бы на работе, от которой уже порядком устала. Но... «Если душа человека жаждет чуда – сделай ему это чудо! Новая душа будет у тебя и новая у него!», говорил Артур Грэй из «Алых парусов» А.С. Грина.

Маршрутка остановилась у посёлка «Ферма», далековато от скита, так что я с радостью прошла через дворы мимо редких пятиэтажных домов. Школьники возвращались с учёбы, но я отстранилась от них. Люблю тишину и уединение, тем более когда именно за этим я наконец вырвалась из шумной суетливой столицы.

Скит я заметила ещё издали, к нему вела узкая тротуарная дорожка, сделанная как бы длинными ступенями. А прямо при входе в скит была лестница из белого камня. Внутри на территории я увидела лишь двух женщин, в храме же было в это время трое работников. Мой взгляд тут же привлекла икона, под стеклом которой висело множество украшений – цепочек разных размеров с крестами и без, бусы... Это чудотворная Черниговская икона Божией Матери.

В монастыре с полным самоотвержением трудился до конца своей жизни «старец-утешитель» Варнава (Меркулов), приняв от Бога дар прозорливости и исцеления от душевных и телесных недугов. В 1873 году он был утверждён в звании народного духовника, почил в 1906 году, а в 1995 старец был причислен к лику Радонежских святых. В 1990 году Черниговский скит был передан Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

Когда я вернулась в отель, было ещё светло. Администраторы и другие сотрудники отеля были людьми очень дружелюбными, приветливыми и вежливыми. Они с удовольствием рассказали мне, как добраться до двух других храмов, которые я желала посетить. Перекусив в номере, я отправилась на вечернюю службу в Лавру. Купила икону Сергия Радонежского, набрала святой воды из чудотворного источника в часовне Лавры. В путеводителе я прочла, что вечерняя служба проходит в 17 часов в Троицком соборе. В росписи этого собора принимали участие лучшие иконописцы того времени во главе с преподобными Андреем Рублёвым и Даниилом Чёрным. Именно для Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Андрей Рублёв написал свою прославленную «Троицу»...

А внутри служители церкви уже читали молитвы... Меня удивило то, что людей в соборе было очень мало. Приложившись к мощам Святого Сергия Радонежского, постояв, а потом и посидев, я почти через час вышла из собора. Но меня будто всё ещё что-то не отпускало выйти за пределы Лавры...

С упоением и восторгом фотографируя дивные красоты, я вдруг услышала донёсшийся звук богослужения из Успенского собора. Я зашла. Какая благодать! Величественный огромный пятиарусный иконостас, состоящий из семидесяти шести икон XVI – XVII веков!..

Людей в соборе было много, а слева и справа от алтаря около десяти монахов напевали молитвы. Примерно через полчаса открылись центральные двери алтаря, откуда вышли священники более высокого звания, судя по их убелённым главам и одеянию. Потом они обошли с кадилом храм, прихожане с благоговением опускали головы. Я оказалась ближе всех к батюшке, отчего дым кадила окутал меня на несколько мгновений. Душа моя возрадовалась, и я прослезилась. Позже было помазание – лбы всех желающих крестообразно помазывали юлагоухающим елеем. Отстояв в очереди, я приобщилась к великому. Мой лоб потом до утра приятно «пах церковью», как любят говорить дети...

В номер я вернулась, когда уже давно стемнело. Поужинав московскими запасами и выпив две чашки горячего зелёного чая со вкусом малины (я порядком замёрзла за сей день), я прочитала путеводитель по Лавре, после чего продумала маршрут на завтрашний

день и легла спать. Мягкая новая кровать с белоснежным свежим бельём оказалась весьма уютной, но заснула я на новом месте нескоро: всё же было дико впервые в жизни отправиться в подобную поездку в полном одиночестве.

Всё хорошо было в этой гостинице, кроме одного – звукоизоляции. В час с небольшим ночи меня разбудили громкие разговоры и хохот мужиков в соседнем номере. Промучившись до двух часов, я позвонила на ресепшн, после чего снова воцарилась почти полная тишина.

Утром я встала рано: впереди был трудный, насыщенный событиями и впечатлениями день. После тёплого душа, в восемь я уже сидела внизу в кафе гостиницы, а передо мной стояла тарелка с геркулесовой кашей с цукатами и изюмом, два блинчика с вареньем и сметаной, бутерброд с сыром и колбаской и чашка горячего чая. С радостью позавтракав, я завернула в салфетку бутерброд и, поблагодарив официантку за вкусные кушанья, поднялась в номер за верхней одеждой и небольшими запасами еды: ведь дорога предстояла практически по лесам.

Сев в маршрутку, я с трудом выяснила у попутчиков, где мне нужно выходить. И вот я оказываюсь на остановке без каких-либо опознавательных знаков, неподалёку от станции Семхоз. Ни одной живой души вокруг! Тишина, благодать, только-только начало светать и показалось солнце, озаряющее белые снеговые шапки на деревьях и домах, заботливо укрывшие их от холодов... Благолепная картина настолько невообразимо прекрасна, что кажется, будто забываешь дышать, всё же осторожно, тихо-тихо вдыхая и выдыхая, боясь нарушить равновесие...

Через пару минут я спросила дорогу к нужному мне месту у девушки, которая направила меня совсем в противоположную сторону. Слава Богу, на моём пути оказался магазинчик, в котором две продавщицы объяснили мне дорогу, настоятельно рекомендуя ехать на маршрутке. При этом они делали страшные глаза, удивляясь необыкновенной путешественнице, которая уже прошла пешком две остановки по эдакой глуши.

- Вам нужно проехать четыре остановки вниз по дороге, затем будет указатель налево...

- Спасибо, но... Я уже две остановки вверх сюда только что прошла, значит, мне нужно вернуться обратно и ещё пару пройти...

Хорошо, что я не послушалась их и пошла пешком! Придя снова к месту высадки на Вокзальной улице, я прошла совсем немного вперёд, где у случайно проходящего мужчины уточнила дорогу. Оказывается, надо свернуть влево прямо здесь, где никаких указателей нет и в помине!

И вот я сворачиваю к дорожке между домиками... И я снова очутилась в дивной сказке: справа и слева от узенькой тропки утопали в снегах одно- и двухэтажные домики, снег искрился на солнце, скрипел под ногами и радовал сердце. В детстве мама мне говорила, что Снежная Королева когда-то давно порвала свои бусы, а бусинки рассыпались далеко-далеко... И вот эти блестящие снежинки – её бусинки...

Уходя в глубь деревушки, я не испытывала чувства страха, лишь необъяснимый восторг процветал в моей душе. Я не могла оторвать взгляд от красот вокруг, лишь изредка посматривая на тропинку. Дойдя до станции, я перешла через пути и поднялась по ступенькам в лес. Тут, по моим подсчётам, должна вскоре показаться цель моей поездки. И я не ошиблась!

Впереди, слева от дорожки, покрытый белоснежным снегом, будучи сам белым, красовался Храм во имя Сергия Радонежского, возведённый на месте подлого убийства протоиерея Александра Меня в 1990 году. Хоть он и был закрыт, я ничуть не расстроилась: попасть в такое местечко и так мало кому удавалось, к тому же забор совсем невысокий, обойдя его, удалось рассмотреть весь комплекс и сделать чудесные снимки. Напротив, у ели, стоял высокий заледеневший, покрытый сосульками, фонарь, поскрипывающий на ветру.

Насладившись необычайными красотами, я двинулась в обратный путь, который прошёл без приключений. Даже маршрутка подошла быстро, что оказалось весьма кстати: ноги замёрзли так, что я уже не чувствовала пальцев.

Выйдя на улице Карла Маркса, ближайшей остановке от моей гостиницы, я посмотрела в расписании, когда подойдёт нужный автобус до второй запланированной на сегодня достопримечательности. Оказалось, что ходит он крайне редко, так что я имела возможность зайти в отель.

Автобус подошёл с незначительным опозданием. Бабушка, стоящая рядом и то и дело заговаривающая со мной, причитала, ссылаясь на посадские пробки. Пробки! Видать, не видела она их в Москве... На автобусе я вместе с немногочисленными пассажирами пробиралась через дивные леса. Одно время мне даже показалось, что незримой рукой отключили все цвета: кажущиеся серо-чёрными деревья, покрытые белым-пребелым снегом... Будто смотришь чёрно-белое кино!

И вот я уже в посёлке Смена. Пройдя мимо нескольких пятиэтажных домов к полю, я увидела за ним вдали сверкающие на солнце золотые купола Параклитовой Пустыни. Одна дорога вела в обход поля и казалась исхоженной, тогда как вторая казалась лыжной и вела наискосок через поле. Выбрав последнее, я жестоко ошиблась: уже на втором метре пути мои ноги проваливались в снег выше колен. Немного поборовшись, я вернулась на главную дорогу. Вскоре из-за домов на дороге от остановки показался батюшка, свернувший за мной. Значит, я на правильном пути.

На территории монастыря не оказалось ни одной живой души. Зашла в главную церковь, поднялась на второй этаж, ожидая, что вот-вот мне сделают замечание и попросят удалиться. Но этого не произошло. Побродив по окрестностям храма, я так никого и не увидела. Удивительное место! И ни души!

Так я за утро успела побывать в двух таких тихих, далёких, будто неприступных храмах...

Вернувшись к остановке, увидела, что автобус мой будет минут через сорок: оказывается, он лишь один и курсирует по этому маршруту. Спустившись в овраг, я заметила маленькую речушку, в самом большом её месте достигавшую в ширину не более метра. У подошедших к роднику людей я узнала, что это источник, откуда местные жители любят набирать воду. Местечко очень живописное, не будь так холодно, я бы тоже с удовольствием испила бы этой водицы.

Вернувшись снова к остановке, я съела утренний бутерброд, показавшийся мне в этот миг необычайно вкусным (истинно говорят, что голод – лучшая приправа), надкусила «Сникерс» и чуть не вскрикнула: он так замёрз на холоде, что казалось, будто камень грызёшь. Запила свою трапезу ледяной водой из припасённой заранее бутылки, которая была со мной всё время на холоде в рюкзаке...

В номере я с аппетитом пообедала «быстрым супом» с горячим чаем, на батарее уже грелись ботинки и одежда.

Часа в три с минутами я вышла из отеля с целью побродить по окрестным маленьким магазинчикам, после чего хотела набрать две большие бутылки со святой водой в часовне у Успенского собора и успеть на вечернюю службу.

Дойдя до торговых рядов, я проследовала в церковь Святых Петра и Павла, в которой тоже оказалось довольно пустынно, как хорошо! Здесь я купила свечей для дома. По дороге к Лавре в уже наступающем вечернем воздухе я обдумывала свою поездку и вдруг ясно осознала, что увидела всё, что планировала, и даже купила всё, что задумывала. Значит, завтра я могу возвращаться домой.

У меня оставался хлеб, привезённый из Москвы, им я решила покормить голубей, во множестве обитающих у Лавры. Как только я принялась ломать хлеб на кусочки, голуби со всех сторон слетелись к моим ногам, а несколько птиц даже сели мне на плечи, руки! Удивительное чувство единения с природой испытала я в этот момент!

Вечер я хотя и провела на территории Лавры, однако на службу не попала. Зато рюкзак мой был полон бутылками с чудесной на вкус водой из чудотворного источника.

Отужинав своими запасами (можно было бы и выбраться в один из многочисленных ресторанчиков, но не везти же назад в Москву продукты, да и тишина и уют номера располагали к уединению, которое мне так не хотелось нарушать в эти дни), постояв под горячим душем, отчего промёрзшая за день кожа ног, рук и лица сделалась красной, я с заметной усталостью пролистала купленные в этот день брошюры и книги и довольно быстро заснула в полной тишине...

На завтрак, к моему величайшему удивлению, была рисовая каша с цукатами и курагой, двумя сырниками с вареньем и сметаной, бутерброд с сыром и колбасой, пирожное и чашка горячего чёрного чая. Царский стол!

Собрала вещи я быстро и с большой аккуратностью: завернула в бумагу свечи и икону, расставила по рюкзаку святую воду (её нельзя ставить на пол). Около двенадцати я вышла из отеля, любезно поблагодарив за радушный приём. Солнце и в этот день сопровождало меня.

На платформе ко мне подбежал щенок, красивый, кремового цвета, который не хотел от меня отходить. Жаль, что я не могла взять его с собой! Как бы мы с ним вдвоём отправились бы в следующий раз в путешествие! Хотя... Редкая гостиница позволит поселиться с животным! Эх...

Электричка была полна народу, так что многим пришлось стоять – в столицу едем!

Противоречивые чувства и мысли зарождались и угасали в моей голове. Безусловно, я была очень рада, что сама, в полном одиночестве, смогла совершить такую великую поездку, увидеть столько святынь!.. Но с другой стороны мне очень не хотелось уезжать из этого тихого местечка в ужасающий крик, шум, гам, суету... Поэтому все полтора часа пути я словно впитывала в себя последние впечатления от этой поездки: мелькающие деревья и домики, искрящийся снег, поднимающийся от колёс электрички и окутывающий вагоны, так что казалось, что вот-вот наш поезд растворится в клубах снега, будто и не было его вовсе...

И лишь звук колёс ещё будет эхом отдаваться в лесах, и услышат его далеко-далеко... И задумается живая душа... И взгрустнёт, устремив глаза в зимнее небо... И точно так же сядет чуть ли не на первый попавшийся поезд... Чтобы уехать туда, где душа сможет отдохнуть и очиститься...

*Москва – Сергиев Посад – пос. Ферма – мкрн. Семхоз – мкрн. Смена
Три январских дня 2013 года*

Глава II. Первые послушания в монастыре

I

Как обычно в воскресный праздничный день (у православных каждое воскресенье праздничное – малая Пасха, воспоминание Христова Воскресения) я встала около шести часов. Быстро умылась, приняла душ, оделась теплее (всё-таки в Подмосковье заметно прохладнее) и уже в семь была на остановке. Автобус подошёл быстро. Электричка отходит без пятнадцати восемь, ехать до нужной мне станции где-то минут пятнадцать-двадцать. В ожидании поезда люблю походить по пустынной утренней платформе... Встречать рассвет тихий несмелый, любясь поездами и ведущими куда-то в неведомые дали рельсами, предвкушая с тихой радостью и благоговейным трепетом грядущее Таинство...

Так как электричка приходит на подмосковную станцию в восемь, а служба начинается только в девять, я как можно медленнее бреду через деревушку к заветному монастырскому храму. Вокруг высокие клёны, дубы, сосны, берёзы, ели... Тихо-тихо, лишь изредка ветерок всколыхнёт нежно опавшую пожелтевшую листву. Даже собаки не лают. Однажды лишь где-то прокукарекал петух, возвещая о новом дне...

У храма ещё редко кто стоит. Если люди есть, мы здороваемся, говорим друг другу «С праздником!», и с улыбкой я иду к своей любимой скамейке у забора под деревьями. Здесь очень хорошо. Виден почти полностью храм, слышны немногочисленные убаюкивающие звуки утренней природы...

И вот дверь храма открыта, и прихожане, трижды положив крестное знамение и поклонившись, входят в тёплое благодатное святилище, где ещё царит загадочный полумрак от нескольких горящих лампад у икон...

Свечи, записочки о здравии и об упокоении...

Далее – одно из самых волнительных и важных событий если не всей жизни, то, по крайней мере, последних дней, а то и недель – Исповедь. Хоть и готовишься к ней заранее, зачастую даже и с прошлого воскресенья сразу, а всё равно испытываешь страх и трепет. Будто пред самим Богом стоишь. Хотя ведь это так и есть...

Разрешительная молитва батюшки. В душе происходит что-то большое... и неведомое мирскому сердцу. И порой горло сжимается от того, что понимаешь, что снова согрешил, что снова пал, что не сдержал обещанного себе и Богу – раздражительность, суетность, памятьозлобие, пустословие... Да и мало ли каких вроде бы несерьёзных грехов, но как же и от них душа черствеет и жаждет очиститься!..

Служба. Величественное, прекрасное, не от мира сего, а от мира горнего, вышнего, клиросное пение. Для меня всегда самым волнительным моментом является громкое исполнение всеми прихожанами вместе Символа Веры и «Отче наш». «...Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с Небес... Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна, и воскресшего в третий день по Писанием...» Снова появляется что-то сжимающее горло, отчего кажется, что слёзы вот-вот польются из глаз, как ни старайся их сдержать.

И вот наступает то, ради чего большинство верующих сегодня здесь в храме. Святое святых – Таинство Причастия. Когда впервые Господь открыл для меня эту неопишную никакими человеческими словами благодать и силу, первые секунды у меня было чувство, что моя грудная клетка не выдержит того огромного и великого, что было принято душою. Сначала трудно дышать, боишься даже глубоко вдохнуть. Позже я смогла сравнить данное ощущение со свободным падением при прыжке с парашютом с высоты более трёх тысяч метров.

Далее благодарственная молитва после Причастия и проповедь священника, которую прихожане слушают с большим вниманием и буквально впитывают благоговейно в свои души. Зачастую можно видеть нескольких человек с диктофонами,

кто-то украдкой утирает слёзы, у многих на лице видна большая внутренняя работа, происходящая в данный момент: люди вспоминают и переоценивают свою жизнь...

Но сегодняшняя служба для меня имеет огромное значение: сразу по её окончании батюшка позвал меня с собой в трапезную для беседы с игуменьей и благочинной монастыря.

Дело в том, что уже давно я мечтаю пожить и потрудиться некоторое время в монастыре, узнать монастырский образ жизни, образ мыслей, тот незаметный для мирян подвиг, совершаемый монахами изо дня в день...

И вот мы в трапезной. Расположена она по соседству с кухней и небольшой гостиной с раздевалкой на первом этаже красивого кирпичного трёхэтажного дома, где верхние этажи занимают кельи сестёр монастыря. Так как в трапезной ещё накрывали на столы, со службы вернулись немногие, мы с моим духовником проследовали в гостиную и присели на диван возле ведущей наверх лестницы в ожидании благочинной. Благочинная в монастыре – это человек, который заведует всем: и хозяйством, и послушаниями, в курсе всех хозяйственных дел обители.

Мимо проходила монахиня в летах, она вскользь заговорила с батюшкой о монахинях, несущих послушания на клиросе, сравнивая певчих первого храма монастыря с певчими второго. На что батюшка, смеясь, ответил:

- А меня в первый храм вообще пускать перестали!

Монахиня замерла, не веря своим ушам.

- Да-да. Прихожане письма на меня гневные пишут, жалуются. Как проповедь произнесу, как обличу одного-двоих, так сразу и!.. – продолжал он с радостной улыбкой.

В этот момент мне стало стыдно, что мы в миру воспринимаем любую, казалось бы, мелочь за большое горе и наказание, сильно переживаем по всякому малейшему поводу и портим настроение не только себе, но и другим, в первую очередь нашим близким... А тут такая обида, а воспринимается легко, с готовностью и даже будто и с радостью.

Вскоре пришла благочинная, батюшка поговорил с ней относительно меня, тем временем сёстры сели за столы (как выяснилось позже, садятся они не в произвольном порядке, а строго по иерархическому чину) в ожидании игуменьи. Зала трапезной очень уютная, несмотря на то, что в ней лишь самое необходимое. Я впервые оказалась в подобном месте, потому рассматривала всё с огромнейшим нескрываемым интересом. Всё в светлых тонах, на стенах большие фотографии Иерусалима, Патриархов Алексия II и Кирилла, старца Илия Ноздрина, старца Кирилла Павлова, много картин с изображениями храмов больших и малых и даже где-то в глухом местечке у реки под огромным утёсом две избушки с крестами на крыше...

Когда все были в сборе, прозвенел колокольчик, все встали и прочитали молитву перед вкушением пищи, сели за столы и принялись за трапезу. В это время одна из монахинь читала жития святых, чья память совершается в этот день – сегодня это Фока и Иона.

Еда тоже была какой-то особенной, будучи при этом довольно простой, но сытной и приготовленной с любовью и молитвой.

После трапезы все снова встали и прочли благодарственную молитву, далее молитву о здравии и упокоении тех, за кого здесь сугубо молятся.

Мой духовник заговорил с игуменьей скита по поводу меня, я подошла к ним поближе. До меня долетали обрывки фраз. «Учительница из школы», «не замужем», «детей нет»... Игуменья что-то отвечала. Батюшка подал мне знак, чтобы я подошла к ним. Получив от игуменьи благословение, я с готовностью и замиранием сердца ждала её решающего слова. Она произнесла с доброй и по-особому радостной улыбкой:

- Какой предмет преподаёшь?

- Английский и испанский языки.

- Ух!.. А работу-то мы для тебя найдём?

- Работы, матушка, всегда хватает! – тоже с улыбкой сказала благочинная.
 - Я давно мечтаю потрудиться при вашем храме во Славу Божию. Мне всё равно, какая работа... – быстро, с готовностью и решительностью выпалила я.
 - Огороды прошли... Но скоро листву собирать надо... – задумалась игуменья. Или проверяет?
 - Это было бы хорошо, – ответила я.
 - А сколько тебе лет?
 - Двадцать три.
 - Молоденькая, – ещё большей радостью и теплом засветились её глаза.
- Тут же с благочинной мы договорились о том, что в среду утром, заранее ей позвонив, я приступаю к обязанностям.
- А сколько у вас пожить можно?
 - Да сколько захотите.

II

Как отраднo на душе оттого, что в великий Праздник – день Сергия Радонежского (а в этом году ещё и весь православный мир отмечает семисотлетие) – я начинаю послушаться в любимом и родном сердцу храме!

Хоть мне и сказала благочинная, что можно приехать в любое время, но я буквально прилетела на монашескую утреннюю службу, которая начинается в будний день для мирян в восемь, а для монахинь в семь. Несмотря на то, что ещё не было семи часов, храм уже был открыт. Зайдя внутрь, я замерла: горят лишь слабым светом лампадки у икон в золотистых киотах, отблескивающих в полумраке, практически в полной темноте несколько монахинь тихим-тихим голосом, сменяя друг друга, читают молитвы. Молча в разных местах храма молились ещё несколько монахинь, сидя, опершись головой в согнутые в локтях руки, совершенно отрешившись от мира. Дивное зрелище – чёрные, едва различимые почти в кромешной темноте фигуры монахинь в рясах, клобуках и тёплых, тоже чёрных, шерстяных шальях на плечах!.. Чёрное на чёрном фоне полумрака храма...

Исповеди перед службой не было, так что причаститься в этот день мне не удалось. Но проповедь была. И говорил батюшка о том, что в последние времена Бог будет судить людей не за поступки и дела, а за молитвы к Нему, Божией Матери и святым. «Если не можете стать другом Господу, как святые, то заводите себе друзей из числа святых». Рассказал батюшка про скорбящую чрезмерно девушку, приехавшую в Сергиев-Посад. У мощей явился ей сам Сергей Радонежский и утешил. Было это лет пять назад. И про одного иеромонаха, чья машина заглохла во время пути, но святой помог тут же, как только монах попросил. «Чем чаще мы обращаемся к святым, тем быстрее в нужный момент они нас услышат...»

После службы и трапезы (геркулесовая каша и варёная картошка, малосольные огурчики и овсяное печенье с чаем) благочинная выдала мне чёрную длинную юбку, фартук и направила меня на кухню, где я сначала резала яблоки на шарлотку, обильно смазывала противни сливочным маслом, резала петрушку и чеснок, потом мыла кучу посуды (к слову, принялась её мыть сразу, не спрашивая, чувствуя при этом спиной, что поступаю правильно: заставляя тебя тут никто не будет, ты трудишься для самого Бога) и после обеда (гороховый вкуснейший суп и прочее, и прочее) снова посуда и полы.

Обратилась к одной труднице, с которой вместе работали:

- А как Вас зовут?
 - Ольга. Оля.
 - А как к Вам правильно обращаться? А то я впервые... – спросила я с улыбкой.
 - Ольга... Сестра Ольга, – улыбнулась она с лёгкой неловкостью и теплом.
- В три часа все разошлись до вечерней службы, которая начинается в пять часов.

Погода отличная, так что я беру молитвослов и отправляюсь на лавочку с другой стороны храма на внутренней стороне монастыря, недоступной для мирян. На воротах висит табличка: «Уважаемые прихожане, просим вас не проходить на внутреннюю территорию храма». Но мне сейчас можно. Ведь я трудник. Не послушник, конечно, но всё же... Хотя мне сейчас не видится в этих званиях особой разницы, если честно и с радостью выполняешь работу, да и молиться тут хочется постоянно, так что о Боге не забываешь, как часто бывает в миру. Читаю на лавочке у фонтана акафист Ангелу Хранителю, акафист Святителю Николаю... Всё настраивает на молитвенный лад, глаза так и движутся по строкам молитвослова вслед за душой... Тихо щебечут птички, изредка тёплый ветер шелестит листвой, опадающей тут же на яркий огненный лиственный ковёр. Такая благодатная тишина, что боишься пошевелиться и хочется молчать, молчать... И бесконечно долго сидеть вот так, забыв обо всём суетном мирском и очищаясь душой с каждым дуновением ветерка... И уносясь вместе с ним ввысь...

Вечерняя служба длилась с пяти часов почти до восьми. Надеялась увидеть своего духовника, но его всё не было, и я долго размышляла, идти ли на исповедь к другому священнику или нет, но в итоге решила, опасаясь, что мой духовник может за эти дни в нашем храме не появиться. Другой батюшка мне кажется каким-то весьма суровым, но, возможно, я просто пока его плохо знаю. Ещё в этом храме служит очень хороший, с добрыми глазами, уже немолодой дьякон.

После службы быстро потрапезничали тем, что осталось с обеда, и разошлись – кто на послушания, кто на келейное молитвенное правило. Снова мыла гору посуды. Позже мама сказала: «Ну, у тебя там действительно послушания, ведь больше всего из домашних дел ты не любишь мыть посуду!»

Утром мне казалось, что я работаю как все, ничего особенного. И мне пришла в голову мысль: «Да, это не в миру, где от работы стараются отлынивать. Здесь же все трудятся во Славу Божию, потому и нечего особо выделять чей-либо труд». Так я победила свои зарождавшиеся в голове помыслы. И тут же, после ужина, мать Силуана, у которой я была в подчинении на кухне, торжественно улыбаясь, объявила во всеуслышание, что хочет, чтобы все дни моего пребывания здесь я трудилась с ней. Я отшучивалась тем, что хочу и на воздухе поработать, подышать свежим воздухом, как говорят в Москве, да и другое какое дело попробовать интересно.

Тут вдруг зашла в кухню другая монахиня, посмотрела на гору объедков в ведре и обратилась к нам с радостным возгласом:

- Ой! Это осталось? Можно я это девочкам своим отнесу?

Думаю, что ж там за девочки такие, которые из мусорного ведра трапезничать станут. Оказалось, монахиня трудится на коровнике, а девочками она ласково называла своих дающих молоко подопечных.

Я ей сразу почему-то понравилась, всё она говорила, как было бы хорошо меня здесь совсем оставить. На что я с улыбкой ответила: «Рано».

Дежурная по кухне была мне очень благодарна («сколько времени мне сэкономили, спаси, Господи!»), дала мне в келью банку-бутылку яблочного компота из варенья и плавающими в нём дольками свежего лимона.

Я поднялась в свою келью на втором этаже домика красного кирпича. На первом живут иеромонахи и алтарница, на втором монахини и послушническая келья. Келья небольшая, на четверых человек. Конечно, в углу располагается большой красный угол с разнообразнейшими иконками (видимо, трудники оставляли) и лампадкой, на окне тюль и тяжёлые вишнёвые шторы. Пол деревянный, чистенько, уютно. Я застелила кровать (всего их три: две обычные и одна двухъярусная, естественно, я выбрала двухэтажную, забравшись на второй этаж – маленькая детская мечта), спать буду под образом Благоверного государя святого мученика страстотерпца царя Николая II. Сейчас прочту молитвы и спать. Завтра на службу снова к семи. Значит, встать надо ровно в шесть.

Распорядок дня, другими словами, монастырский устав здесь таков: утренняя служба в семь часов, потом трапеза, далее послушания до обеда, который в два часа, далее либо свободное время, либо послушания, как благословят, вечерняя служба в пять, трапеза около восьми, последние за день послушания, вечерние молитвы по кельям, сон.

Сегодня за день получилось около пяти с половиной часов на службе, около трёх часов заняли свои молитвы. Засыпаю с непривычным чувством внутри сердца: странное ощущение непередаваемого никакими словами величайшего совершенного спокойствия, отрешённости от мирской суеты, тихой и кроткой радости, благодати, нежной намолённости... Прислушиваюсь к звукам окружающего меня нового мира. И вот диво! Звуков практически нет! Еле-еле, чуть слышно, шелестит листва за окном, проедет редкая машина невдалеке, нежно, едва различимо, прогрехочет поезд мимо станции...

«Мимо станции... Мимо... Как хорошо, что мимо, именно мимо...» – убаюкивающим ветерком пробегает в сонной голове, давая расслабиться утруждённому в миру мозгу и уносит меня куда-то вверх и в сторону.

III

В семь уже была на службе, шла она до одиннадцати. Вначале присутствовали несколько монахинь, позже подтянулись все остальные. Сегодня я села на скамью в углу второго притвора и читала по молитвослову Литургию Иоанна Златоуста, чтобы было легче следить за ходом службы и ни на что не рассеивать внимания. Каково же было моё удивление, когда после Символа Веры я заметила промелькнувший к месту для исповеди знакомый хвостик из чёрных волос (батюшка, как и подобает монахам, собирает сзади волосы в хвост)! Вот чудеса! Я бегом в очередь к нему. Первым делом поинтересовалась о его здоровье, передала от мамы низкий поклон. Я призналась, что, не зная, будет он сегодня или нет, исповедовалась вчера у другого батюшки. Мой духовник успокоил меня, сказав, что всё хорошо, просто в таких случаях надо уточнять исповедующему, кто твой духовник.

Я причастилась, снова ощутив невероятную благодать. На проповедях говорили сегодня о том, что уже сбываются слова Пророчества, где сказано, что в Последние времена те, кто называют себя христианами (но неправославные), будут убивать других христиан (православных), думая, что тем самым они угождают Богу. Сейчас всё чаще бывают случаи похищений и убийств священников. Спаси, Господи, и сохрани нас и Церковь Твою Святую! Батюшка рассказывал, как один актёр, побывавший недавно в Донецке, говорит о том, что там настолько страшно, не знаешь, куда в следующий раз упадёт снаряд... И всё так легко разрушить!.. Всё легко разрушить... Кроме одного – веры...

Ещё было сказано, что не так давно на одной службе кто-то увидел, как вместе с молящимися предстают Богу с молитвами Святитель Николай, Иоанн Богослов и Игнатий Брянчанинов и как просят они Господа продлить жизнь людей на земле. Но Бог не хочет, люди слишком много грешат, не каются и в прямом смысле многочисленно («да что там – большинство!») сходят с ума в прямом смысле слова. Сказано было, что именно Иоанн Богослов во времена Антихриста будет помогать христианам.

Позже была лития (краткая панихида) и молебен Святителю Николаю, которого особо почитает мой батюшка и которому старается служить молебен каждый четверг. Счастье, что я не ушла сразу после окончания литургии по незнанию! Ведь так вышло, что именно сегодня сбылась моя мечта!..

Вот как это было. Перед началом молебна Святителю Николаю батюшка проходил по храму и спрашивал у прихожан, хотят ли они принять участие в общей молитве. Настал мой черёд и батюшка обратился ко мне:

- Анечка, хочешь почитать акафист?
- Хочу! – ответила я с горящими глазами.

- Давай. Попробуй. А ты раньше читала?
- Нет, ещё ни разу в церкви не читала.
- Всё равно. Я думаю, у тебя получится. Кондак 8 и икос 8.

Очень было страшно и жутко волнительно, аж колени дрожали. Но я совладала с собой и прочла громко, чётко, радостно, нараспев отведённую мне часть. Слава Богу за всё!

При выходе из храма приобрела книгу о царе Николае II (не зря всю ночь под его образом провела, да и думала много в последнее время!) и кожаный браслет с образками Пресвятой Богородицы, который теперь практически всегда со мной.

После службы я спросила у сестёр в трапезной, где сегодня буду нести послушания, благочинная с улыбкой ответила: «Сегодня выходной». Но я всё же выпросила метлу и благословение на подметание дорожек от листвы вокруг храма.

- Спаси вас Господи! – сказала проходящая мимо монахиня, – а то мы не успеваем совсем...

- Во славу Божию! – отозвалась с улыбкой я.
- Слава Богу за всё! – с благодарным вздохом зашла она в дом.

При вратах храма впервые увидела, как справа от двери звонят к службе. Сестра-звонарица здесь с мамой. Служит более десяти лет, из них около семи здесь. Очень приятная и благостная какая-то даже!

На вечерней службе было всего несколько монахинь. Я во второй уже с утра раз зажигала лампадки у икон, а после недолгой службы их тушила, потом попросила разрешить мне протереть стёкла икон, на которых мне почему-то радостно было увидеть пятна от приложенных лбов, губ... Люди прикладывались, «здоровались» и «общались» с этими святыми...

Когда после службы я зашла покушать, в трапезной были лишь две монахини. После быстрого ужина зашла в кухню (ну как можно идти в келью, когда здесь столько всего: и видишь внутреннее устройство монастыря, и слышишь удивительнейшие рассказы, отмеченные Божьей благодатью и любовью!) и попросилась помочь с посудой. В итоге матушка, которая в тот день была ответственной за кухню, усадила меня рядом с собой за небольшой столик и угостила в благодарность чаем с их собственным мёдом с пасеки (оказывается, у неё как раз сегодня сильно разболелась поясница, отчего и моя мама страдает неизменно, так что эта боль мне знакома не понаслышке).

Беседа наша длилась часа два. Вначале матушка говорила о монашеском пути, то есть о пути монашества, предначертанном свыше. Говорила, что торопиться с этим выбором не надо. Я поняла, что она имела в виду меня, и я сочла своим долгом скоро признаться, что в монастырь я не планирую поступать...

Далее приведу вкратце её рассказ, который для меня был необычайно интересен.

В этом скиту живут и трудятся более тридцати человек, но больше инокинь (инок – человек, принявший постриг и давший обеты, но ещё не оправдавший своего назначения стать монахом, мирскими словами, человек, уже посвятивший себя Богу полностью, не имеющий возможности вернуться в мир, но ещё не благословлённый быть монахом). У женщин с монашеством дело обстоит особо серьёзно: женщина в первую очередь призвана быть матерью, но многие по незнанию или по нетерпению уходят в монастыри, а после у них зачастую появляется зависть к мирским девушкам и женщинам и озлобление. И некоторые уходят. Делать этого нельзя, пред Богом это большой грех: были даны невозвратимые обеты. «Можно и в миру спастись, и в монахах пропасть», как говорят старцы. «Спасение не в стенах, а в сердце».

Интересно, что монахинь и монахов хоронят одинаково, однако очень необычным образом: лицо закрывают особой тканью, а руки на груди перевязывают. Если монах или монахиня недостойно служили Господу, то такие отправляются в тартар или тартарары – область ниже ада, где вечная мерзлота. Однажды одной монахине приснился сон, как другая её знакомая умершая уже монахиня катается со связанными руками по льду будто

на коньках и жалуется, как ей там плохо и как жутко холодно. Идеал – когда в монастырь приходит служить девственница или девственник, что является великим от Бога предназначением и предначертанием. Есть другой хороший путь – быть женой батюшки («О! Это тебе как раз было бы то, что нужно. Ты и пишешь, и рисуешь, и преподаёшь, вот кандидатскую напишешь... И для клироса выучиться можно... Просто жаль, что ты себя так тратишь в миру...»)

Сама матушка никогда не думала поступать в монастырь. Экономист по образованию, жила хорошо, заочно училась в Свято-Тихоновском университете, была замужем, двое сыновей женились, есть внуки. Но однажды её духовник сказал ей:

- У нас тут тоже одна такая училась... монахиней стала.
- Да что вы, батюшка, такое говорите!

Однако по смерти мужа в пятьдесят лет она пришла в монастырь, приняла монашество и служит уже семь лет.

За время беседы мои глаза несколько раз наполнялись слезами – так интересно слушать в монастырских стенах такие богобоязненные и благодатные жизненные истории, рассказываемые под свежий чай и тихим голосом!

Но более всего в тот вечер меня поразила история об одной бедной девушке. После смерти родителей девушка та была продана в проституцию и познала все возможные и невозможные ужасы той жизни. И вот она приходит в этот храм. И встаёт у Владимирской иконы Божией Матери. Вдруг из Северных Врат алтаря выходит Женщина в длинном белом одеянии, подходит к иконе Богородицы, ставит большую широкую свечу и обращается к девушке прекрасным голосом:

- Вот так и ты гореть должна.
- И уходит снова к алтарю. Девушка бегом за Ней.
- А Ты кто?
- А меня все Божией Матерью зовут...

История эта произошла не так давно. Девушка приняла монашество, служит Богу, горит любовью и усердием, как та заповеданная ею свыше свеча.

Я не смогла сдержать слёз, матушка тоже.

Далее она говорила о том, что в разных монастырях совсем разная жизнь: зачастую очень пристально, как заповедано было с древних времён, следят за тем, как у монаха или монахини проходит духовный пост («умное делание»: непрестанная Иисусова молитва... Её особые подвижники – исихасты – сподоблялись Фаворского света, от которого человек буквально тает, как свеча, думать-мыслить уже не может – вот какова сила любви Господа!) и исповедание помыслов.

Матушка поведала один секрет: если три воскресенья подряд причастишься, имеешь большее дерзновение просить от Бога что-то особенно тебе нужное. Но никогда нельзя забывать о том, что зачастую мы хотим не того, что нам действительно нужно, бывает, что просим того, что будет нам во вред и большое искушение. Ведь мы смотрим только на сегодняшний день, редко даже ближайшее будущее можем предугадать, не зная, что принесёт новый день, как резко может измениться наша жизнь буквально в одночасье. Всегда нужно стараться познать волю Божию. «И добавляй всегда со смирением: «А ежели воли Твоей на то нет, ежели воля Твоя обо мне в другом, укажи мне Путь Твой!» И вот увидишь – сразу пойдут указания».

Всегда в моём разуме по тому или иному поводу, а то и вовсе без повода буквально загораются ярким светом строки молитвы: «О, Господи, аз раб Твой, аз раб Твой и сын рабыни Твоя»...

Позже зашёл разговор про маму. Я с грустью сказала о том, что маме моей очень больно и трудно ходить, тем более стоять, но она очень верит в Бога и старается жить так, чтобы никому не причинить ничего плохого, и скорее сама будет мучиться, но другому зла не сделает. «Значит, – сказала монахиня, мама твоя человек особый, у которого всё христианское было заложено изначально, что она именно так и живёт всю жизнь».

Конечно же, говорили о России, нашей любимой Родине, которой столько зла приходится терпеть изо дня в день, а с каждым днём и всё больше и больше. Но Русь будет спасена до тех пор, пока русский человек не потеряет свою православную душу, обладающую такими уникальными в наши времена качествами, как самоотвержение, всепрощение, доброта и любовь.

Однако красной нитью всей нашей долгой беседы была одна-единственная мысль – во всём и всегда следует уповать на Бога, Ему Самому давать со смирением и радостью управлять своей жизнью. Воли Его спрашивать, просить и искать. «Ведь человеческая жизнь так коротка! А душа бессмертна. Мы всё о теле печёмся – на чём бы сесть поудобней, во что одеться, чем накормиться и тому подобное. А о душе бессмертной забываем. Самое страшное после смерти – это не увидеть Бога. Душа – одна душа человеческая! – стоит дороже всей Вселенной, потому как и Вселенной не станет, а души жить будут. И то, как она будет жить ТАМ, зависит от того, что ты делаешь здесь. И – главное – молись. Всегда и везде. Постоянно призывай во всяком деле Господа Бога нашего Спасителя!..»

И снова речь зашла про Последние времена:

- Говорят, что они уже наступили. Не знаю. Но живём мы все так, будто ожидаем что-то большое и страшное. Будто сейчас затишье перед грозой...

Подумав молча, я согласно кивнула.

- Да? Ты тоже это чувствуешь?..

Далее монахиня продолжила:

- Человек в миру может быть очень образованным, многосторонне развитым, много знать и очень много изучать, но это всё будет развитие по горизонтали, как бы в разные стороны, но в одной плоскости. А надобно стремиться вверх. Ну, станет человек профессором, ну, напишет что-нибудь эдакое, а потом умрёт и все труды его окажутся напрасны по большому счёту. Надо искать Бога, стремиться к нему, расти духовно, уподобляться. А уподобляться Богу вообще бесконечно можно! Это такая радость! В нас есть Образ Божий, но надо становиться подобными Богу, ведь изначально мы далеки от Него, как и всякое творение от Творца...

После вечерних молитв в келье, забравшись на второй этаж под образ Царя Николая II, засыпая, всё я думала о чудеснейшем сегодняшнем дне, многие мысли крутились в моей голове тихо, и тут я подумала, какое счастье, что я нашла своего духовника! Мы с мамой очень его любим, и как я бесконечно благодарна Богу, что послал мне именно его: ведь к Богу я стремилась с раннего детства, но некому было мне помочь приблизиться, подсказать, с чего и как начать своё воцерковление. Да вот даже взять здешнего второго батюшку – он очень хороший священник, но не получается у меня с ним контакта. И как душа отзывается на пение моего батюшки, когда он служит! Так громко и красиво нараспев молится, что чувствуется большая его любовь! Каким широким, от души идущим жестом, благословляет! И улыбка, как у доброго, но требовательно-строгого наставника. Вот такой у нас батюшка, наш любимый духовник отец С.!

IV

На утренней службе было пять прихожан (я шестая, но меня в расчёт не берём), из причастников была только одна болящая девочка. Мать Евстолия (алтарница, с которой мы сдружились: в первый день моего пребывания здесь она пришла вечером ко мне в келью и попросила перевязать ей место укола на правой руке капустным листом и бинтом; под её чутким руководством я всегда прошу разрешить мне зажигать лампадки в храме перед службами, следить за свечками, после службы тушить всё, второй день как позволили и стёкла икон протирать) принесла мне, на скамье у входа сидящей, большую просфору из алтаря. В ней девять треугольных прорезей: из такой просфоры, являющейся

третьей при преосуществлении хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, изымаются девять частей в честь святых и кладутся по левую сторону Агнца.

После другая монахиня позвала меня к ним в сестринский придел вкушать обрезанные от круглой просфоры края (антидор, его делают, чтобы просфора для Причастия, агничная, стала квадратной) и запивать сначала святой водой, потом вкусить просфору малую и уж затем запить теплотой (вино с тёплой водой)...

Из храма вышла последней... Как же здесь хорошо!..

На завтраке (картошка – сладкая-пресладкая! – в мундире и малосольные огурчики) встретила матушку, с которой долго вчера беседовали в кухне, она мне подарила альбомные листы (моя тетрадка двенадцати листов, купленная в Троице-Сергиевой Лавре, которую я предупредительно захватила с собой для записей всего интересного, что меня могло здесь ожидать, закончилась скоропалительно) и журнал «Святой родник» с заложенным рассказом и посланием: «Анечка! Пиши такие рассказы, как этот «Берёзовая ёлка». Постараюсь вечером прочесть. Огромное ей спасибо!

Послушание на сегодня тяжёлое – теплица. Убираем последние помидоры (многие из них зелёные) и огурцы. Отвозим их на тачках (освоила!) в «богадельню» (но там живут только сёстры) на третий этаж, чердак, где хранятся продукты, кучи разной одежды, пустые трёхлитровые банки в упаковках и прочее. Репчатый лук, например, занимает на полу площадь, большую, чем стандартный школьный кабинет.

Работается сегодня тяжеловато, во-первых, потому что очень хочется спать, во-вторых, противная погода, в-третьих, за работой всё практически мирские разговоры, отвлекающие от молитвы. Немного освоившись, я направила ситуацию в нужное мне русло: задавала вопросы о том, как делают свечки, что делают с огарками (переплавляют); что такое День Ангела («тот день, в который родились Святые твои тёзки: Праведная Анна, Мать Божией Матери, мученица Анна, Анна Пророчица...»)

- А ты в какой день родилась? – спросила мать Силуана.

- Девятнадцатого декабря. В день Николая Чудотворца.

- У-у-у! Вот это да!.. Особый ты человек, значит...

- Я у мамы от пятой беременности в тридцать два года родилась...

- Ты одна у неё, девочка?

- Да.

- Вымоленная...

- Да ещё как! Мама говорит, последняя попытка была, думала уже из детского дома ребёнка брать...

Мать Силуана поведала рассказ об одной женщине, которая долго не могла разродиться во время родов. Буквально полчаса ей жить осталось, вдруг она говорит: «Господи! Для Тебя рожаю ребёнка, отдам на любое Твое соизволение!» А сама неверующая была. Сын рос тоже не особо верующим, а потом вдруг пришёл в храм. Сам курил, выпивал иногда. Ему сказали, нельзя, и он тут же резко всё бросил... И вот стал монахом... И у нас тут служит».

Рассказала я про поездку в Иерусалим (про то, что у мамы спустя три месяца обширный инфаркт был, чудом спасли), на что мне сказали, что после поездок в святые места зачастую бывают искушения и болезни (и вообще – «если человек благополучно живёт, болезни замучают»).

В теплице помидоры разрешили кушать... Штук десять съела прямо с куста! Сладкие, мягонькие, внутри рассыпчатые, сахарные! Трудились много, ударно, говорить некогда было.

На обед вермишелевый суп, плов, варёная свёкла. Компот, как обычно, мой любимый. День постный – пятница. Дали часок передохнуть, сейчас дописываю эти строки и убегаю работать дальше. Солнышко выглянуло, невдалеке поезд издал гудок и промчался на всех парах мимо... Благодать!

По дороге к теплицам встретила понравившуюся мне ранее инокиню Даниилу. Вместе с сестрой они разбирали пятилитровые бутылки с водой из источника, которые привёз на машине водитель. Инокиня спросила меня, какое у меня послушание. Я отрапортовала по-военному. Вообще, когда много работаешь и зависишь от дисциплины полностью (а дисциплина – одно из важнейших средств для достижения целей), а уж тем паче, если ты учитель...

- Я сейчас к вам присоединюсь, – так же кратко в свою очередь сказала она. Минимум эмоций, но я видела, что радость присутствует в её лице всегда. Какая же дисциплина здесь?

- Ой, да? – радостно спросила я.

- А то не знаю, куда направить свои стопы... – и широко, от души, улыbnулась.

- «Направить стопы» – это хорошо... – заулыбалась в ответ я на цитату из Писания.

Пока ждали мать Силуану, которая была поставлена над нами, несмышлёнышами, я попросила сфотографироваться с инокиней Даниилой. Слава Богу, она согласилась, да ещё и мать Силуана к нам присоединилась, да ещё, как выяснилось чуть позже, фотографом нашим была монахиня-иконописец! А я как раз пишу диссертацию по иконописи... Слава Богу за всё!

После обеда работа потекла веселее. Убирали в теплице солому, которая прикрывала, грела землю и корни. Мать Силуана сказала, что хочет, чтобы я почаще к ним приезжала:

- Хотя ненадолго, как сейчас. Вот летом у вас каникулы большие... Ты нескандальная, спокойная такая... Работаешь хорошо. Мы к тебе уже привыкли, так привыкли... Ты нам по духу родная, прям как сестра наша...

- Ой... Спаси Господи за такие слова. Мне тут с вами тоже нравится. Здесь хорошо... Маме скажу, ей приятно будет, что такого ребёнка воспитала... – улыbnулась я.

Около пяти зазвонили на вечернюю службу. Меня отпустили легко. Мать Митрофания сказала:

- Мы позже придём на службу, доделаем тут всё, а ты беги, тебе молиться надо. Ты всё же в монастырь приехала, а не на полевые работы, – снова с тёплым участием и добрым юмором добавили сёстры.

Быстро забежала в келью, очистила одежду от земли и соломы, умылась, привела себя в порядок и быстро на службу. На улице было так солнечно, что совсем не чувствовалось осени. Будто лето и действительно стало красным в прямом смысле слова: листва, оставшаяся на деревьях радовать нас яркими красками, говорила об этом.

На вечерней службе обычно прихожан больше, чем на утренней: видно, кто с работы по дороге зайдёт, кто откуда-то возвращается. Сегодня начало дня памяти Преподобных Кирилла и Марии, родителей Святого Сергия Радонежского. В конце службы снова помазывали елеем лбы верующих.

После службы я попросилась посмотреть на «девочек»... В темноте «девочек» оказалось найти совсем несложно, кто бывал в деревне, сразу догадаются, почему. Так что к соответствующей небольшой постройке ноги меня, можно сказать, сами принесли. В коровнике их стояло семь. Красивые, большие, глаза огромные, мудрые и добрые. Увидев меня, они сразу все посмотрели в мою сторону с ожиданием. Я подошла к каждой и с каждой молча «познакомилась». Некоторые даже морду ко мне вытягивали с огромными розовыми ноздрями.

- Иди, я тебе покажу мою ласточку! – сказала монахиня.

При этих словах она открыла дверцу стояла и, лишь ступила на порог, была тут же осторожно прижата к косяку большущей головой коровы солового цвета. Они мило игрались, а монахиня всё это время была будто пригвождена к широкому косяку коровиной головой так, что рога буквально упирались в косяк, создавая своеобразную «скобу», в которой стояла она, обнимая и трепля корову, свою «ласточку» по шее.

На ужине было три человека. Я снова попросилась помогать с уборкой со столов и посудой. За что мне позже принесли в келью той самой воды из источника (я попросила что-нибудь мне взять в келью попить, а пустой бутылочки, чтобы набрать святой воды из храма или хотя бы налить из-под крана обычной, у меня с собой не было).

Ещё узнала, что в домике, где меня поселили, живёт много монахинь и инокинь. Он так и называется – священнический корпус. Сейчас живут по одному в келье, иногда бывает по двое. Однако, что удивительно, я практически никого никогда не видела. В домике, где трапезная, наверху тоже монахини и иногда проживает Матушка – игуменья. У неё есть своя «резиденция» – стоящий рядом красивый резной домик – но ей там порой бывает холодно.

Кстати. После обеда, уходя на службу, сказала, что поздно ложусь спать, потому что веду «летопись своих дней здесь». Монахиня Силуана стеснительно (чего я раньше не наблюдала за ней, наоборот, она очень строгая и требовательная) и несколько польщённо, потупив взгляд в землю, тихо произнесла:

- Ой, да что тут у нас... Ничего особенного и нет...

- Ну да! Столько всего происходит! Столько мыслей! Вы привыкли уже, наверное, а ведь это так всё интересно! У меня вот и тетрадка уже закончилась, хорошо одна монахиня листочков дала.

При входе в трапезную висит магнитно-маркерная доска, где прикреплен распечатанный лист с очередью чтецов и певчих на клиросе, где пишет благочинная послушания на предстоящий день. Завтра я с матерью Митрофанией готовлю салат к воскресенью. Так и написано: «м. Митрофания, Аня – на салат».

Сейчас собираюсь в душ. Благо здесь с этим проблем нет. И как приятно в тишине вечера, когда все уже давно разошлись по кельям, прокрасться в темноте пустынного коридора через небольшую гостиную в просторную ванную и помыться горячей водой, а потом, распарившись, вернуться также тихо в свою келью, забраться на второй этаж кровати и с такой же горячей искренней молитвой уснуть!..

«...А сегодня была «большая стирка»: в уборной стоят две стиральные машины и несколько раскладных сушилок для белья, три из которых уже заполнились чёрными одеяниями...» – с улыбкой и благоговейным страхом перед всем этим неизведанным, далёким, но ставшим на несколько дней близким миром, подумалось мне.

V

Пришла в келью почти в два часа ночи: было дежурство на кухне у моей любимой монахини. Я помогла вытереть со столов, помыла полы и посуду. После мы уединились в трапезной (на кухне несла послушания сестра Ольга), чтобы никому не мешать. И там за чаем с мёдом с монастырской пасеки (вкусный, с привкусом липы) и нашими булочками, которые мы пекли большую часть дня, в виде сердечек и розочек, провели с матушкой за приятной, полезной беседой в общей сложности около пяти часов. Мыслей много, видно, дописывать мне дома. Тем более уж и вторая ручка заканчивается...

Как узнала сегодня, в восемь утра служба общая, а в семь только для монахов, полунощница («Ну и правильно делала, что ходила! Ты же в монастырь приехала! А для монаха молитва – первое дело...»). Итак, служба сегодня прошла как обычно, но народу было больше, чем вчера, видимо, по случаю выходного. После трапезы делали салат, точнее, готовили для него все ингредиенты: резали китайскую капусту, маслины, оливки, чистили креветки. Честно признаться, я была поражена таким количеством столь редких и, откровенно говоря, недешёвых лакомств.

Тут стоит добавить, что впоследствии мне довелось узнать, что там привыкли ко всякого рода дорогостоящим разносолам вплоть до авокадо и различных видов свежих или охлаждённых рыб в большом количестве, во время трапезы игуменья, священники и

важные гости монастыря вкушают пищу из красивейшей старинной посуды. Я не считаю, что это плохо, отнюдь, но, к сожалению, произошли два не самые приятные инцидента в скором времени. Так, в первый раз я привезла в качестве подарка сёстрам на трапезу большую целую охлаждённую рыбину (форель, если не ошибаюсь), которую я купила накануне в одном известном гипермаркете за довольно-таки существенную сумму. Однако мать Митрофания, дежурившая в то утро в трапезной, радости не высказала ни малейшей, даже наоборот выразила откровенное презрение и будто насмешку: «Ой, и чего нам с ней делать?.. Ну, может, хоть в суп сгодится...» Когда я рассказала об этом дома, возмущённому ужасу не было предела: известно, насколько бедно живут люди в миру, огромное количество людей в принципе могут себе позволить лишь кусочек красной рыбы к какому-нибудь празднику. Я думаю, излишне добавлять, что больше я подобную глупость и транжирство себе не допускала.

Вторая же история приключилась, как ни странно, у нас же дома. В скором будущем та монахиня, которая часто приглашала меня попить чаю в поздний час, стала регулярно просить то положить ей денег на телефон, то купить лекарства, то ещё что-то. Мне не было жалко денег, хотя зарплата у меня не была большой, но выглядело всё это крайне неприятно, тем более когда она с таким удовольствием рассказывала о якобы успехах своих давно взрослых сыновей и их жён. Кстати, всю свою пенсию она также отдавала им. Но я немного ушла в сторону от повествования. Итак, эта монахиня стала проявлять как бы всё больше и больше интереса ко мне и моей семье, и вот в один прекрасный день... напросилась к нам в гости! Было это весьма необычно и совершенно неожиданно, но в целом ничего плохого мы предвидеть не могли.

Не заладилось всё с самого начала, когда она стала расспрашивать с большим пристрастием, чем мы её будем потчевать, уточнив, что любит блюда с авокадо, особенно если в этом блюде есть креветки («привыкла уж так за последние годы»), а пить или хорошее вино или коньяк. Я сказала, что напитки куплю, а готовить планировала в качестве одного из блюд плов с креветками в соевом соусе. На том и порешили.

Накануне вечером она вдруг объявила, что приедет сразу же после литургии, то есть довольно-таки рано утром, что само по себе было бестактно, когда она прекрасно знала, насколько напряжённый у нас образ жизни и тяжёлая рабочая неделя. Утром она попросила меня встретить её на станции, хотя оттуда всего четыре остановки на автобусе доехать проблем не составляет. В итоге, когда я уже была на пути ей навстречу, она неожиданно сообщила, что её привезут какие-то добрые прихожане на машине. Тут я ни на шутку испугалась, что вся эта компания незнакомых людей может захотеть завалиться к нам в квартиру. Слава Богу, обошлось. Хотя, я так думаю, что обошлось лишь на первый раз, если бы её визит повторился, скорее всего, скромничать бы уже не стали. Зашла в квартиру, подарила несколько просфорок из храма...

В целом обед можно было бы назвать даже в чём-то хорошим, своеобразным и экзотическим – она сидела в облачении, на голове был чёрный апостольник, разговоры велись на околицерковные темы... Считаю важным добавить, что гостя не поленилась ещё раз напомнить про свои гастрономические предпочтения, прокомментировала наш стол (без лишней скромности добавлю, что стол был очень даже достойным, праздничным, даже если учесть, что никакого особого повода для застолья у нас не было) и попросила для неё поставить бутылку коньяка (вино также было представлено, но проиграло в градусе, по всей видимости). Завтрак плавно перешёл в обед, все возможные для первого знакомства двух женщин в возрасте были исчерпаны, моя мама, жутко уставшая после трудной рабочей недели, будучи не в состоянии продолжать это столь раннее застолье, несколько раз подводила обед, который уже продлился несколько часов, к его логическому завершению. Гостя, однако, то умело делала вид, что не понимает намёков, то демонстрировала суетливую спешку назад в скит. После многочисленных попыток моя мама сдалась и, извинившись, ушла отдыхать. Оставшись вдвоём с монахиней, я была уверена, что наша встреча вот-вот завершится, но... В общем, буду

краткой и честной: монахиня уехала от нас поздно вечером после второй бутылки коньяка, наслушавшись сначала околоцерковных песен, а закончив своё музыкальное турне по просторам Ютюба лирическими композициями Александра Серова... Мы были настолько уставшими и разочарованными в тот день, что долго ещё вспоминали этот поучительный случай. И теперь, когда вижу в магазине бедный примитивный салат (из капусты с морковью) «по-монастырски», невольно вспоминаю наших новых знакомых. Этот салат лучше было бы назвать «мирской постный»...

Но общаться мы, конечно же, не перестали, наши отношения эти детали не испортили.

После «выпросила» ещё что-нибудь поделывать, нужно было убрать беседку игумении. После обеда лепили булочки и делали заливное: завтра воскресенье – праздник. Вернулась матушка-игуменья из Троице-Сергиевой лавры, с проходившего там семинара.

Во время работ старалась задавать побольше вопросов: снова говорили о Дне Ангела; как давать пожертвования монастырю за души усопших и почему лучше в женский, а не в мужской; что в течение девяти дней после смерти душе показывают Рай, до сорока дней ад, а на сороковой день определяют душе её место...

Еле успела на начало службы. Был мой батюшка-духовник отец С.! На исповедь стояла почти последней около часа. Да и вообще сегодня за всю службу только раз присела менее чем на минуту. Батюшка первым делом спросил, какие у меня успехи, как я всё переношу и воспринимаю. Я сказала, что всё очень хорошо, и отношения со всеми хорошие, и поработала, и узнала много нового.

- А было что-то, что тебе в душе мешало? Что это было?

- Да... Ничего и не было... Наоборот даже! Всё хорошо, всё с радостью.

- Я смотрю, стоишь, улыбаешься, как солнышко... Вот видишь, как хорошо, что поработала!..

- Вам спасибо за такой опыт! Я тут сдружилась со всеми... И матушками, и сёстрами... И послушания все с удовольствием выполняла, да ещё и работу выпрашивала. Вот после ужина, например, приду помогать посуду мыть. Мне говорят, мол, устала ж уже, наработалась, иди отдыхать. А я – нет. «Пока, – говорю, – последнюю тарелку не домою, не уйду!» – улыбаюсь.

- А вот пожив здесь немного, что-то новое узнала?

- Конечно! Много о чём спрашивала, да и внутри жизнь посмотрела...

- А в прошлой своей жизни что-нибудь пересмотрела? Пожив здесь, посмотрела по-другому на прошлое?

- Да... Пересмотрела. Конечно, если б раньше... То я бы иначе жила, в некоторых ситуациях вела бы себя по-другому.

- Что бы изменила? Или чего не делала бы?

Я рассказала иеромонаху, о чём были сожаления, да и в целом хотелось бы, конечно, более внимательно и безгрешно жить, да только кто же этого не хочет...

- Всё правильно, Анечка. – Сказал он заботливо, слегка коснувшись своей головой моей: во время исповеди человек стоит на коленях, священник приседает на стуле, так чтобы их головы были как можно ближе, чтобы никто из остальных прихожан не слышал ничего, а Таинство было между человеком и Богом, как и положено.

Потом я спросила у него, как правильно и глубоко готовиться к исповеди.

- А вот как сейчас.

- Но когда я чаще исповедаюсь, мне бывает практически нечего сказать.

- Понимаешь, грехи как правило всегда одни и те же. Нужно внимательно следить за всем, что делаешь и о чём думаешь. И особо выделять то, в чём упрекает совесть...

С исповеди я вышла с очищенным сердцем и, радостная, встала на любимое место в центре храма перед алтарём. И тут я вдруг почувствовала, что только что Бог – Сам Бог! – вот только что! – меня простил. И слёзы полились из моих глаз. Я радовалась душою и

украдкой вытирала слёзы платочком. Какое это великое счастье – иметь возможность при жизни на земле получить прощение, настоящее Прощение, более которого быть не может, ибо Бог знает, как много мы Ему лгали, обижали, оскорбляли своим несовершенством, увеличиваемым собственноручным деградированием.

Поужинала я быстро, надеялась всё увидеть батюшку, но он не пришёл. Он вообще крайне редко трапезничать приходит, как мне сказали. Зато за столом ужинала мать Силуана, которую я с утра не видела.

- Ой! Мать Силуана! – я поклонилась. – Как я рада вас видеть! Мне без вас сегодня прямо взгрустнулось даже!..

Она, не раздумывая ни секунды, с присущей ей лёгкостью и иронией:

- Всегда к вашим услугам!

Зайдя на кухню, увидела любившуюся матушку:

- О-ой, Анечка! Добрый вечер! А можешь мне и сегодня помочь немножко?

- Конечно! Даже не обсуждается! Я ещё вчера увидела на доске, что вы сегодня будете, так обрадовалась! Ничего не трогайте, не мойте, я пока из трапезной грязную посуду принесу.

Она, конечно же, не послушалась, зато вдвоём мы управились быстро, а потом я ещё пол помыла на кухне и в прихожей с подсобкой. («Лучше я тебе помогу, чтоб мы побыстрее сели чай пить», – сказала она тихо.) Чаёвничать пришлось уйти в самый конец трапезной, так как на кухне работали над блюдами на завтра ещё две послушницы.

Снова говорили о необходимости веры в ежедневной жизни, о монастыре... Оказалось, что я практически ничего о нём не знала! И что это Патриаршее подворье, и что к ним часто приезжал Алексей II, и патриарх Кирилл был, Кирилл Павлов и другие старцы... А игуменья сорок два года была келейницей у патриарха Алексия II... О временах апокалипсиса много говорили... Ждут старцы, в ожидании монахи и монахини, православные миряне чувствуют... Много ещё о чём говорили...

В келлию пробиралась в кромешной темноте уже ближе к двум часам ночи. Думала, увидит кто, скажет, хороша ж трудница у нас! По ночам по территории шастает!

Приняла душ, дочитала молитвы ко Причастию и около трёх часов буквально рухнула (если учесть, что я на втором ярусе кровати сплю, картинка взору та ещё представляется!) в постель. Какое блаженство наконец-то лечь! С шести утра на ногах, в трудах и молитве... Слава Богу за всё!

VI

Проснулась раньше будильника (!), заведённого ровно на шесть, в неестественной для меня позе лёжа на животе и обнимая подушку. По-моему, снились монахини и монастырь... Вчера утром думала, что в воскресенье удастся поспать подольше, ведь батюшка служит во втором храме в девять. Но вечером он сказал, что будет в первом в семь.

Очень не хотелось вставать сразу, ведь сегодня последний день... Полежала ещё несколько минут, мысленно уже прощаясь со ставшим на несколько дней родным окружением.

Когда в храм зашёл отец С., многие подошли к нему за благословением. Подошла и я. Он перекрестил меня со словами: «Анечка, Господь с тобою!» Служба, как обычно, длилась около двух часов. К слову, вся вчерашняя «очередь» на исповедь к батюшке была здесь. Как быстро и слаженно работает их «телеграф», оказывается! Причастие сегодня ощутила душой и сердцем очень явственно. Слава Богу за всё! Спасибо Тебе, Боже, что удостоил Святого Твоего Причастия, Пречестного Тела и Крови Твоей! Подхожу ко кресту в конце службы.

- Анечка, ты уже поехала? – спросил батюшка.

- Нет, мне ещё рано, ещё на трапезе побуду.

- Увидимся.

Выйдя из первого храма, направила свои стопы ко второму, откуда величественно и торжественно доносился звон колоколов, созывая прихожан на позднюю Литургию. Знакомой матушки ещё не было (вчера она сказала, что если Бог даст, сфотографируется в полном монашеском облачении со мной).

Но вскоре она пришла, мы тихонько вышли через служебный вход и сделали несколько снимков в разных местах монастыря. Вот такая память теперь есть!

В келлии вещи мои немногочисленные уже были собраны, поэтому я осталась и на вторую службу. Мой батюшка вскоре тоже пришёл исповедовать прихожан. Во второй раз за утро пропела с верующими «Символ веры», на душе стало грустно оттого, что моё первое трудничество подходит к концу. И на глаза то и дело наворачивались слёзы. Да и вообще какие-то лёгкие, будто воздушные, слёзы в моих глазах стали в храме естественным явлением уже на второй день пребывания в скиту.

Увидела матушку-игуменью, поклонилась ей (так здороваются с монахинями), думая, что сейчас, во время службы, не очень удобно брать у неё благословение. Игуменья увидела мой жест, на мгновение задумалась и в ответ с большим достоинством и при этом с великим уважением поклонилась в ответ довольно низко. Мне стало несколько неловко при этом: ведь она по своему сану совсем и не должна была мне отвечать поклоном.

...И в трапезной было мне немного тоскливо: чувствовалось всё сильнее приближение времени возвращения домой, в мир. Трапеза прошла приятно, как всегда. На столе был салат с креветками, заливное из рыбы (только здесь узнала, что, оказывается, священники мясо и курицу не едят вообще), рыбный суп с форелью, картошка пюре, рыба под маринадом и булочки, которые мы вчера долго готовили. А жития святых по воскресным дням читает уже ставшей близкой монахиня, с которой мы так сдружились за ночными посиделками впотьмах в тихой кухне.

После благодарственной молитвы помогала убирать со столов. По дороге в кухню поймала взгляд игуменьи, направлявшейся в сопровождении келейницы к себе наверх. Я ей поклонилась, с большим почтением и вниманием смотря в глаза, она улыбнулась, очень внимательно смотря на меня.

В сорок минут первого я встала у дверей кухни и...:

- Ну, что, я поехала уже. Спасибо вам всем большое. Простите, благословите.
- Уже поехала? И ты нас прости, если что не так.
- Да что вы! Всё было более чем хорошо. Просто замечательно.
- Мы уже к тебе так привыкли...
- Я тоже... И полюбила тут всё...
- Приезжай к нам ещё. Вообще почаще приезжай. Хоть на день-два!
- Спаси Господи!
- Ангела-Хранителя в дорогу!
- Спаси Господи!

Послушница Ольга, с которой много работали на кухне, подарила мне сделанную мной особым способом вчера булочку в виде сердечка и немного помидорок с огорода, что мы собирали вместе в теплице. А матушка-чаёвница на прощание приобняла меня и по-христиански трижды поцеловала. Я говорю:

- Всё, пойду, а то сейчас по дороге плакать буду...

Видно было, что и она сдерживает эмоции...

В келлию шла как можно медленнее, оглядываясь по сторонам, стараясь запомнить каждую деталь. Как будто сейчас, уже вернувшись домой, стою на дорожке, ведущей в священнический домик, справа от храма, утопающего в жёлто-красных листьях на фоне осеннего облачного серого неба. Тишина вокруг, лишь слегка время от времени прошуршит от ветра опадающая листва...

Открыла дверь в келлию, рюкзак с собранными вещами стоял на кровати. Я присела рядом и окинула взглядом комнату, мысленно прощаясь с ней, вспоминая самые яркие моменты этих дней... Снова на глаза навернулись слёзы.

Допила оставшуюся воду из источника, отнесла выданное мне в первый день бельё, присела «на дорожку» и с молитвой отправилась в путь. Закрывая дверь, ещё раз окинула взглядом келлию...

На территории монастыря никого не видела больше: видимо, все уже давно разошлись на послушания. Трижды перекрестилась каждому из двух храмов и пошла по направлению к станции. Странно было ощущать себя в миру. Казалось, что я вернулась будто с другой планеты, по крайней мере, точно не ближе, чем из космоса. Но ведь, подумав хорошенько, я и действительно была совершенно в другом мире. По пути встречались люди, но мне не хотелось ни на кого смотреть. Ноги отяжелели, так тяжело вдруг стало идти, словно непосильную ношу взвалили мне на плечи. Вот сейчас, уже будучи дома, пишу эти строки и плачу...

Домой добралась, слава Богу, хорошо, но уже к вечеру стало чего-то сильно не хватать. Поняла: вечерней службы. Очень захотелось постоять на молитве пред алтарём, когда вокруг мало людей, как было в будни...

Ложась спать в тот день, я благодарила Бога за то, что Он подарил мне этот великий бесценный опыт, что допустил до Своей святой обители, слышал меня и помогал во всём.

И снова мне вспомнилась мысль, пришедшая на ум ещё там, в монастыре. Как странно: в миру, казалось бы, столько делаешь – и по работе, и по дому, и так... А всё не чувствуешь какой-то наполненности, глубокого смысла во всём этом. А там вроде бы делаешь несерьёзную работу (то на кухне, то в теплице, то на территории листву убираешь), а при этом чувствуешь, что душа живёт. Что и ты сам не зря живёшь, не зря трудишься сейчас. Тогда и в монастыре поделилась этой мыслью с одной женщиной по имени Марина, которая часто приезжает по субботам помогать сёстрам.

- Это потому, – сказала она, – что труд этот для Бога, во славу Его. А во славу Божию ничто не бывает бессмысленным...

VII

По возвращении с работы вдруг в какое-то время почувствовала некоторое волнение... Смотрю на часы – пять часов с небольшим. Служба вечерняя уже идёт... Мне богослужения уже сильно не хватает. И матушек с сёстрами тоже...

Совершенно по-особому ощущаю себя теперь. Дай Бог, чтобы это состояние меня не оставляло как можно дольше! Это очень больно. Но это единственно правильное состояние радостной благодати на земле...

В заключение не хочется много говорить... Сердце начинает болезненно сжиматься, а к глазам подкатывают горячие слёзы. Спасибо Тебе, Господи, за этот бесценный опыт и невыразимую Благодать!

Даст Бог, трудником я побываю ещё не раз... И, возможно, не только в этом монастыре...

VIII

Сегодня великий Праздник – Покров Пресвятой Богородицы. У меня выходной день, душа просится в храм, снова туда, но я не поеду сегодня: уж больно тяжело это сделать спустя менее чем через два дня.

Я дописываю это повествование, слушая записанные на диск проповеди батюшки. И вдруг... Последняя аудиозапись... Песнопение! Моего духовника, отца С., и второго иеромонаха, отца И.! Какая красота и благодать!

*Марие, Дево Чистая, Пресвятая Богородице,
Царице, Мати Дево, Руно, всех покрывающее,
Превысшая Небесных Сил, нетварное сияние,*

*Ликов девичьих Радосте и Ангелов Превысшая,
Небес Честная Сило и Свете, паче всех светов,
Честнейшая Владычице всех Небесных Воинств,
Всех Праотцев Надеждо, пророков Исполнение,
В подвизех Ты помоще, Кивоте Бога Слова,
И девам Ликование, и матерем Отрадо,
Целомудрия Наставнице, души наших Очищение,
Покрове, ширший облака, и страждущих Пристанище,
Немоцных Покров и Заступнице, Надеждо ненадежных,
Марие, Мати Христа, Истинного Бога,
Аронов Жезле прозябший, Сосуде тихой радости,
Всех сирых и вдов Утешение, в бедах и скорбех помоще,
Священная и Непорочная Владычице Всепетая,
Приклони ко мне милосердие Божественного Сына,
Ходатайце спасения, припадая, взываю Ти:
Радуйся, Невесто Невестная!*

Слава Богу за всё!

Октябрь, 2014

Глава III. Снова на духовной Родине

*Колокольный звон над землёй плывет,
А в монастыре братский хор поёт:
«Господи, помилуй!»
иеромонах Роман Матюшин*

I

20.02. Не успела толком обустроиться, а уже сразу принялась за свою «летопись». Итак, я снова, уже во второй раз, нахожусь на послушаниях в своём любимом подмосковном скиту-монастыре. Всё получилось в этот раз спонтанно: во вторник к нам школу приезжал мой духовник отец С., служащий в этом монастыре. Обычно он приезжает по средам. А тут ещё у меня и «окно» как раз, что означает, что я совершенно беспрепятственно могу сходить на его лекцию-беседу! Я устремилась туда буквально бегом, после мы увиделись в коридоре. Он от души меня благословил широким жестом, сказал, что очень рад меня видеть и даже обнял. Посоветовал поехать по святым местам, на что я сказала, что очень хочу на Соловки. И не на экскурсию, а пожить трудником в монастыре. Он же признал, что это аскетика.

Спросил, как у меня дела в целом. Рассказала, что в воскресенье ездила с молодёжным клубом в храм в Солнцево на день православной молодёжи, правда, не совсем поняла, что это было.

- А в чём был смысл? – спросил батюшка.

В ответ я лишь молча развела в стороны руки.

- Хочу к вам в воскресенье приехать, – будет Прощёное воскресенье, – на раннюю или на позднюю Литургию?

- А ты была когда-нибудь на чине прощения?

- Нет, не была.

- О-о, это очень интересно. Монахи друг у друга прощения просят в храме на службе. Если хочешь посмотреть, советую приехать к пяти часам тогда.

- Обязательно буду! – ушла я окрылённая.

И тут дома, рассказывая об этом маме, буквально ломая голову над тем, как бы и исповедаться и причаститься утром, да при этом и на вечернюю службу остаться, вдруг вспоминаю, что понедельник будет двадцать третье февраля, выходной день! Переиграв в голове множество вариантов и так, и эдак, решаю: еду в пятницу сразу после последнего у меня в этот день пятого урока (а тут и его ещё отменили!) и пробуду в монастыре до вечера понедельника.

Доехала хорошо, правда, очень хотелось спать: как всегда ожидаемо тяжёлой была последняя неделя второго триместра. Поселили в той же келье, что и в прошлый раз: она гостевая. Жаль, что на этот раз я не одна живу: со мной будет жить послушница Наталья. Послушания на сегодня закончились. Время – три часа. До пяти, до службы, можно пойти на улицу почитать и пофотографировать (взяла в этот раз фотоаппаратик).

Кстати. Пока из своих «знакомых» видела уже некоторых инокинь и послушниц, а матушка Евстолия, алтарница, меня сразу же узнала, обняла и трижды поцеловала. Уже темнеет. Пойду «гулять»...

Гулять я так и не пошла: подумала, что сидеть на улице всё же будет холодно. Вместо этого я уютно разместилась в холле с книгой отца Иоанна Крестьянкина «Опыт построения исповеди». Позже из кельи вышла Наталья, увидела меня:

- А ты чего тут сидишь? – она сделала ударение на слове «тут».

- Читайте, – с улыбкой ответила я.

- А в келье что?

- Там темно.

- Так свет включи, – широко улыбнулась она.
- Я думала, вы отдыхаете. Не хотела беспокоить...

Я сидела на втором этаже своей кровати, она на своей. Вскоре разговорились. Оказалось, что в церкви она давно. Сюда её направили от того места, где она живёт (скит в Долгопрудном, там служат лишь две монахини и она), здесь уже неделю, хочет вернуться к себе, тоскует.

На службе были только монахини, отец И. ненадолго приходил исповедовать и из просфор вынимал частицы для завтрашней Литургии. Видела матушку Силуану. А перед службой мы немного поговорили с инокиней Даниилой – звонарщицей.

В трапезной я окончательно расстроилась: несмотря на свою ужасную усталость, я так хотела пообщаться с матушкой К., с которой мы так сдружились в прошлый мой приезд, и помочь ей на кухне, но мне сказали, что она уехала в отпуск домой. Написала ей сообщение на телефон, не отвечает. К слову сказать, я ей звонила во вторник после девяти вечера, именно это время она раньше рекомендовала как самое удобное для телефонного разговора, но сейчас телефон молчал. Может быть, оставила его здесь? Или роуминг дорогой... Надеюсь, ещё увижу её в эти дни.

Приняла душ, сейчас прочту молитвы и спать. Спать, спать!

Жаль, что сегодняшний день не принёс хороших новостей. Но ведь я не с утра здесь. Утром всё иначе.

Да и вообще. Прости меня, Господи! Я же сюда зачем приехала? Молиться, трудиться, подготовиться к исповеди, причаститься и настроиться на Великий пост, положив достойное начало здесь. Господи, помоги!

II

21.02. Не зная точно, во сколько сегодня будет утренняя, встала в шесть часов. Вскоре узнала, что сегодня служба в восемь, так что у меня ещё было время почитать в холле книгу.

Утреннюю службу вёл отец И.. Отец С., мой духовник, появился на полчаса позже, чему я несказанно рада! Он несколько удивился, увидев меня. К слову, я сразу поняла, что он сегодня будет: в храме стояли ещё несколько прихожан, которые исповедуются у него. Он отдельно позвал меня на исповедь во время службы, поманив рукой, но я покачала в ответ головой и губами беззвучно произнесла: «Потом. Вечером». Он кивнул и ушёл исповедовать других верующих.

После завтрака выхожу из трапезной и направляюсь к храму. Наконец-то мне доверили послушания в святая святых! Неожиданно встречаю отца С.. Он улыбается:

- Ну, что? Решила здесь остаться?

Я улыбаюсь в ответ:

- Не-ет, просто понедельник выходной, вот решила время с пользой провести.

- Только тебя в школе видел, вдруг ты уже тут!

- Я в тот же день и решила. В четверг позвонила благочинной и попросила разрешить мне потрудиться в выходные. Её телефон у меня с прошлого раза остался.

Взяла у батюшки благословение и спросила, будет ли он сегодня вечером или завтра утром исповедовать. Он сказал, что эта неделя как раз его служения. И напоследок добавил:

- Глаза красивые, куртка красивая...

- Спаси Господи... – улыбнулась ещё шире я, и мы оба разошлись по делам, радостные.

В храме занимались свечами, подсвечниками, чистили от воска пол, пылесосили и мыли полы. Впервые в жизни побывала на крестинах (крестил как раз отец С.). Во время Таинства я, послушница Галина и внучка одной послушницы десятилетняя Маша сидели у служебного входа и беседовали о Боге.

Послушница Галина рассказывала обо всём очень интересно. Для экономии времени привожу то, что больше запомнилось.

Если ребёнок кричит на Крещении, это ещё раз подтверждает, какая борьба ведётся за каждую душу, а в этот момент «то-что-слева» не хочет этого, всеми силами старается помешать. Есть здесь прихожане с четырёхлетним сыном, которого с огромным трудом уговаривают причаститься. Он соглашается после длительных уговоров близких, а в следующий момент, подходя к Чаше со Святыми Дарами, улыбается и отворачивается...

Я рассказала послушнице Галине, что однажды во время сбора макулатуры в школе я, будучи ещё подростком, обнаружила в груди книг новенькую книгу с таинственным для меня тогда названием «Евангелие». Так вот послушница Галина сказала: «Это Бог тебе принёс эту Книгу через ту женщину, потому что Евангелие и Псалтырь просто так, случайно, не появляются у людей. Притом каждому в своё время...»

Далее зашёл разговор про книги святых отцов. «Я раньше думала, что я порядочный человек... Вдруг мне на глаза попала одна книга из святых отцов. Я в ужасе! Какая же я, оказывается! Я неделю в себя прийти не могла!.. И на исповедь стыдно идти было. Потом стою на службе раз, другой... И слова «Бог милостив... Всё прощает...» мне прямо через уши до самого сердца прошли...»

«Много искушений вокруг. Очень много... Никогда не надо за другим повторять, а идти своей дорогой...»

«Постоянно надо творить молитву Иисусову, принуждать к ней себя, пока она не станет постоянной в мыслях, тогда и защита с ней будет, и согресишь меньше».

За едой тоже молиться надо: сначала молитву прочесть перед вкушением пищи, во время трапезы Иисусову молитву не забывать, после благодарственную молитву прочитать.

«Бывает зачастую, что лучше одному ходить, чем с кем-то... Идёте вы, нет-нет да и зайдёт какой разговор пустой... Лучше одному идти и молиться про себя».

«Мы никогда не бываем абсолютно одни: вокруг нас постоянно находятся те, кто в мире ином, они видят все наши дела и поступки, а зачастую даже мысли и помыслы».

До обеда ходили с Машей гулять по территории монастыря и фотографировали. Обед, по обыкновению начавшийся в два часа, был торжественным. После обеда общались с Машей и Наташей в келье. На службу пошли пораньше, чтобы занять очередь на исповедь (я была уже третьей!).

Не успела я встать на колени перед исповедью, как тут же отец С. несколько с волнением наставительно произнёс:

- Анечка, сразу хочу тебя предупредить... Сёстры – люди разные... Могут про меня такого наговорить! И напридумывать всякие небылицы.

- Ой, да что вы...

- Ты никого не слушай...

- Да я уже поняла, что в монастыре свои страсти... – и сдержанно улыбнулась, глядя батюшке в глаза.

- Могут сказать, не ходи, мол, к нему, зачем ты к нему ходишь исповедоваться. А потом сами, глядишь, исповедоваться перестают...

- Отец С., даже не переживайте, никого не слушаю... – убедительно сказала я и далее начала свою исповедь.

Сажу на лавочке и вспоминаю вчерашнюю службу, которая была просто потрясающая! Служили все три священника этого монастыря. Песнопение «На реках Вавилонских» исполняли отец С. и отец И. почти в крошечной тьме и полной тишине! Двери алтаря были открыты, Спаситель с иконы благословлял всех Своей Десницей, теплились лампы в семисвечнике... И лампы вокруг прихожан у икон, отблёскивающих в темноте, свечи тихо горят, потрескивая иногда... Чудо! Теперь становится понятно, что именно имели в виду послы князя Владимира в 988 году, при выборе государственной религии объезжая разные храмы, докладывая государю, что у

православных самая красивая, самая торжественная и величественная служба, на которой ощущается Божие присутствие. Благодать какая! Уже два дня в глазах стоит эта картина и в ушах отголосками песнопения отдаётся!

Пужинав после службы, мы направили свои стопы в келью. Пришла к нам в гости Маша, разговаривали до половины десятого (бабушка ей разрешила пробыть у нас как раз до этого времени). Но! – после исповеди искушения неизбежны! – вдруг за дверью раздалась молитва перед тем, как можно будет отворить дверь:

- Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

И, не дожидаясь положенного в данной ситуации разрешительного «Аминь» с нашей стороны, открыла дверь... мать Елисавета! Строгая и весьма своеобразная свечница. Мы, опешив, вдвоём с Наташей в голос произнесли: «Аминь!» В этот момент я почему-то увидела всю картину со стороны: а картина предстала её взору та ещё! Прямо напротив двери на кровати Натальи, тесно прижавшись друг к другу из-за тесноты и нетвёрдости матраса, сидим мы с Машей посередине. На заднем плане задёрнутые бордовые шёлковые шторы, создающие фон прямо-таки иконописный. Надо отдать ей должное, лицо её ни на йоту не изменилось, даже ни один мускул не дрогнул. Мы же потом представляли, в каком «божественном» виде свечница улицезрела этот иконописный сюжет и смеялись как малые дети.

- Что вы здесь делаете? – строго и совершенно без эмоций спросила она.

Повисла пауза. Что ответить, когда и так ясно, что мы сидим и общаемся? Понимаю, что надо выручать:

- Спать готовимся.

- Интересно, а Маша во сколько должна была быть в келье?

- В девять тридцать.

- А сейчас сколько?

- Без минуты тридцать, она уже собиралась идти.

- У нас Устав, по Уставу никого в келью приглашать нельзя. – И уходя, добавила, –

Простите.

- Простите.

Наташа что-то ещё успела сказать монахине.

Мы, шокированные, ещё долго обсуждали произошедшее. Во-первых, да, Маше это хороший урок: уйти надо было на несколько минут пораньше; во-вторых, кому как не ей, постоянной гостье обители, не знать строгих правил; в-третьих, мать Елисавета и сама нарушила одно из правил, открыв дверь без разрешения... Напоследок мы лишь посмеялись над случившейся глупой ситуацией.

Долго читала молитвы перед сном. Спала отлично.

III

22.02. Проснулась отдохнувшая и окрылённая в половине шестого без будильника. Как обычно, первым делом молитвы. Сегодня воскресенье, значит, будет две Литургии – ранняя и поздняя. Так как мы встали рано и хотели идти именно на раннюю, потому что там меньше народу и почти нет маленьких детей, и послушаний до завтрака нет, мы смогли побывать в обоих храмах на обеих службах. Причащалась у отца С.. Монахиня Евстолия, алтарница, подарила мне пакетик просфор. Спаси её Господь! Будет, чем порадоваться в Пост.

Маша к нам не подошла. Как сказала Наташа, «Маша теперь не наша». Позже за трапезой она даже не поздоровалась. Непонятное воспитание: мы видели, что бабушка заставила её утром вновь подойти на исповедь к батюшке и поведать о своём «страшном прегрешении накануне вечером», однако почему заодно обе монахини и девочка как бы наказали и нас своим презрением и бойкотом – нам было совершенно непонятно.

Трапеза снова была праздничной: заговенье на Великий пост, все стараются напоследок наесться посытнее да повкуснее, подкрепляя себя неаскетичной пищей. После службы я помогала в храме. После беседовали с монахиней Силуаной (такая она интересная, харизматичная и умная!) и монахиней Митрофанией (она мне подарила тортик, точнее, не мне, а маме, о которой мы немало говорили).

Правда, впоследствии выяснилось, что подарок этот был не просто так, а с дальним прицелом: она сама призналась, что хотела сосватать ко мне своего сына. Тут, кстати, тоже не совсем приятная ситуация приключилась: он, оказывается, уже имел кое-кого в виду на будущее, но монахиня не растерялась и решила меня сосватать за другого, попросив адрес моей странички в одной из социальных сетей. Я не отказала, зная, что как только потенциальный жених посмотрит мои фотографии из разных стран или увидит меня с некоторыми известными людьми, то тотчас же испугается и сделает вид, что я ему по каким-то соображениям «не подхожу». Как мы и предполагали, так оно и вышло, правда, мать Митрофания весьма неразумно мне рассказала о том, что и парень этот уже далеко не первой свежести, и что у него большие проблемы с поиском невесты (что меня очень насторожило, потому что девушек у нас всегда немало и свободных, и достойных), и что вообще «он посмотрел твою страничку, ты ему не понравилась».

Слава Богу, отвёл Господь от этих двух семейств!

Тут уж я просто в голос рассмеялась: «Было бы странно, если бы он решился познакомиться после этого! Он себе прислугу в чёрных одеяниях ищет, а девушки-то тоже жить хотят, оказывается – и учатся, и работают, и путешествуют!.. Да и про Бога не забывают!»

Когда у нас выдалось свободное время и мы смогли пойти в келью, там снова беседовали с Наташей, во время разговора я дописывала в дневник записи со вчерашнего дня. Наташа рассказала, что перед вчерашней вечерней службой отец С. подошёл к свечнице монахине Елисавете и рассказал о чуде, которое недавно произошло от иконы Божией Матери. Чудо заключалось в том, что одна прихожанка много лет не могла забеременеть, врачи поставили диагноз бесплодия, но по своим молитвам у этой чудотворной иконы она исцелилась и родила.

Во время этого рассказа мать Елисавета что-то упорно отрицала, отец С. в свою очередь всё более и более распалялся, доказывая ей что-то, потом резко махнул рукой со словом «бесполезно!» и удалился. Настроение и вчера, и сегодня у него неважное.

Оказалось, что и Наташе на утренней исповеди отец С. сказал похожее, что и мне вчера: чтобы она никого не слушала, что здесь могут человека заклевать...

Чин прощения вечером я увидела впервые! Это было удивительно и ни с чем несравнимо. Сначала батюшки попросили прощения у прихожан, встав на амвоне на колени перед всем храмом. Затем друг у друга. Затем к ним стали подходить вереницей с просьбой о прощении монахини. Потом уж подошёл и наш черёд: каждый опускался (по мере возможностей здоровья) на колени и касался лбом пола, встав, крестился, просил прощения у батюшки и целовал икону. Батюшка просил прощения в ответ. Всё это было так искренне и явно не наигранно!

Первым стоял с крестом отец И. (я запомнила его в своё время по его манере протягивать для поцелуя крест: сам крест он подносит к лицу мягко, а руку – будто в зубы ударяет), другой священник, отец И., стоял с иконой Спасителя, а отец С. стоял с Владимирской иконой Божией Матери. Я каждый раз, как и положено, опускалась на колени с поклоном, просила прощения, батюшки в ответ просили прощения у меня. Отец С. попросил у нас обеих с мамой. И я в ответ повинилась за нас обеих.

Потом, воспользовавшись тем, что иду вслед за Наташей, я не свернула в центр храма, как следовало прихожанину, а прошла в притвор к сёстрам. Со многими из них мы

взаимно попросили прощения по Уставу: падая ниц, трижды христосуясь и говоря: «Простите меня!» И затем в ответ: «Бог простит, и я прощаю!»

Здесь стоит упомянуть, что в ноябре я перенесла две серьёзные операции на глазах, в связи с чем мне было категорически противопоказано поднимать что-либо тяжёлое и низко наклоняться. Так вот послушница Галина, которая вчера берегла меня от тяжестей на послушании в храме, сейчас, когда мы одновременно начали наклоняться к мраморному полу, стоя на коленях, прошептала громко и устрашающе: «Не наклоняйся! Не наклоняйся!» Я была ей очень благодарна за заботу и беспокойство.

И с Машиной бабушкой тоже друг друга взаимно простили. Оказалось, что Маша нам сказала неправду: она и вовсе не сказала бабушке, куда идёт. Бабушка, естественно, очень переживала. Наутро и Наташе много всего неприятного наговорила. Правда, не совсем понятно, в чём Наташа-то виновата. Ну, да ладно. Забыли. Тут такое Таинство совершается на наших глазах!..

Слёзы!.. Радость!.. Страх!.. Благодать!..

Через час пошли ужинать. Всем было объявлено в радостно-приказном тоне съесть как можно больше, как следует заговориться на пост. Тем более, что в монастыре его соблюдают очень строго. Я съела картошку пюре, оливье и два нежнейших кусочка скумбрии. И вдруг как подскочу! Забыла бутылку для святой воды в храме под лавкой! А пить-то в келье захочется вечером и утром завтра! Набрала воды из-под крана в кружку с кухни. Выходили из трапезной втроем: Маша уже к нам присоединилась. По дороге пообщались с матушкой Силуаной. Я спросила у неё, как поститься в плане еды мирским людям.

- В понедельник до вечера ничего не вкушать, всю седмицу сыроядение... Можно кроме овощей, фруктов, хлеба, орехов и мёда чай с сухарями... – перечисляла я.

Она смеётся:

- Это у нас пост... А вы подтягивайтесь! Желудок есть не хочет. Есть хочет мозг. Значит, мозг надо настроить на пост в первую очередь.

Тут я заметила в храме свет. Поставила чашку с водой на перила у входа в Дом причта и бегом по гололёду устремилась туда. Мать Евстолия уже закрывала храм, но я успела найти свою бутылку и набрать воды. Выходя, я увидела женщину с коляской с малышом, идущую в сторону храма. Она спросила, где можно оставить вещи для беженцев с Украины. В этот момент к служебному входу подошла закрывать храм мать Евстолия. Она сказала, что вещи в монастыре не собирают, пока идёт сбор денег, но вещи можно просто принести в храм, нуждающиеся разберут. Пришлось вернуться к главному входу в храм, открыть его и положить вещи на специальный для этих целей столик. Обрато шли с матушкой Елисаветой под ручку: уж так скользко!

В келье вылила воду из-под крана в стоявшие на подоконнике цветочки, чтобышний раз не ходить по коридору. А с Наташей теперь разговариваем очень тихо: пришли к выводу, что здесь отличная слышимость между кельями. Чуть позже Наташа звонила своей матушке из Скита, и громким голосом уверенно говорила, что ей тут уже нравится, только душно в келье и в туалет бывает очередь по утрам. Буквально тут же, минут через двадцать, в дверь постучали и рассказали схему пользования ванной комнатой для увеличения проходимости и ускорения процесса помывки, ещё добавили, что часто бывает душно, так как хорошо топят, поэтому следует чаще проветривать. Глаза у нас, когда закрылась дверь за информатором, стали круглые.

Вечером мать Евстолия разносила по кельям булочки. Чудо просто! Так приятно! Такая подготовка к посту! С одной стороны, радость, а с другой – понимаешь, что с завтрашнего дня начнётся подвиг. Ведь пост, а тем более Великий – важное время для всякого христианина. Время особого воздержания, покаяния, сугубой молитвы, созерцания, работы над собой.

После всех приготовлений ко сну и молитв долго разговаривали с Наташей. Речь зашла и о матери Силуане, в итоге Наташа подарила мне книгу о старце Силуане

Афонском, а я ей подарила крем, который захватила на всякий случай из дома в подарок кому-нибудь.

Потом она разбирала свои вещи, показывала иконы. Я отметила, что одна из имевшихся у неё икон Спасителя очень редкая. Вдруг она обнаружила у себя ещё одну такую, только маленькую. Благословила меня ею и подарила: «Для молитвенного правила тебе будет». Я её крепко обняла.

Итак, завтра начало Великого Поста. Служба начнётся без пятнадцати семь и идти будет по-великопостному долго.

IV

23.02. Еле встали в шесть часов. Наскоро умылись и собрались на службу, которая длилась почти пять с половиной часов! Было трудно: очень хотелось спать. Часто вставали на колени и клали земные поклоны.

После службы помогала убираться в храме: протирала стёкла икон, чистила подсвечники, пылесосила и мыла полы. Потом зашла в трапезную за гостинчиками домой. А в нашем домике меня уже ждала мать Евстолия с целым пакетом скромных гостинцев: есть эти продукты постящимся сейчас нельзя, потому она решила подарить их моей маме. Я ей принесла фигурку ангелочка и упаковочку чая, которые я заранее приготовила ещё дома. Она меня обняла, трижды поцеловала и просила приезжать почаще.

Вещи я собрала ещё вечером, так что оставшееся до электрички время беседовали с Наташей. Надо будет мне ей привезти мёд в сотах, которого я много купила на ярмарке недавно, а она попросила мандарины, минеральную воду и лимонную кислоту, чтобы почистить чайник. Крепко обнялись на прощанье.

На этот раз уходила без слёз. Я знаю: у меня есть Небесный Отец. Он всегда со мной. Только я, бывает, сама Его забываю ненадолго или притупляю чувства к Нему из-за суетности или посредством прегрешений. Но встречи наши будут впереди! Удивительные и каждый раз не совсем похожие на предыдущие. И Отец наш снова одарит Своей благодатью, Своими бесценными дарами!

Буду ждать следующей поездки с нетерпением! Мечтаю потрудиться и в других монастырях: на Соловках, во Пскове... Как Бог даст! Бог един везде, помощь тоже нужна везде.

А сейчас – помоги, Господи, провести этот Великий пост достойно. (Сегодня целый день ничего не ела, только вечером две просфорки с водой и кусочек церковного хлеба).

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу! Аминь.

P.S. С Мариной, упомянутой вскользь в предыдущей части, мы в скором будущем подружились, часто приезжали вместе на службы и в этот скит, и в другие святые места, бывали друг у друга в гостях и даже как-то выбрались на концерт группы, которая поёт песни Виктора Цоя, после концерта допоздна был показ фильма Сергея Соловьёва «Асса» 1987 года...

А года через три её благословили на послушания в этот самый скит, куда она, оказывается, так сильно хотела попасть всё это время, но ждала, когда сможет уладить последние мирские дела.

Иноклию Даниилу, звонарщицу, постригли в монахини и перевели на московское подворье.

Благочинная Анания теперь монахиня Херувима.

Наташу приняли в послушницы через некоторое время. В монастырь попасть – дело непростое: надо очень много потрудиться, зарекомендовать себя с хорошей стороны.

Послушницу Галину через год постригли в инокини с именем Иоасафа. Ей очень идёт её новое одеяние, видно, что оно ей было суждено свыше давно. Теперь она мне внешне и не только напоминает старца Паисия Афонского.

Отец И., очень хороший батюшка, через год скончался от свиного гриппа, который поздно распознали врачи. И, несмотря на то, что были подключены лучшие специалисты, не смогли спасти его жизнь. Погребли его торжественно на кладбище в Сергиевом Посаде. Фотография его, на которой он улыбается и глубоко смотрит прямо в душу смотрящему, теперь стоит в трапезной. Сёстры говорят, что он иногда приходит к ним во сне. Особенно в минуты скорбей и искушений. Даёт советы и наставления. Утешает и вразумляет.

2015 год

Глава IV. ...и камни возопиют

I

Второго августа в начале шестого утра мы с маменькой ожидали на Курском вокзале проходящий через Москву поезд сообщением «Анапа – Мурманск». Следуем мы до Кеми. Пожалуй, наблюдательный читатель тут же сообразил, каков наш конечный пункт назначения. Да! Мы следуем на великие Соловецкие острова, что расположены на севере нашей Родины в Белом море!

Путь наш довольно непрост: сначала мы из Москвы на поезде следуем до Кеми, родины моего любимого кинорежиссёра Сергея Соловьёва. Существует предание, что данный городок получил своё название в сталинские времена, когда, ссылая туда заключённых, говорили: «Сослать его к такой-то матери!» Ругательство сократили, получилось название «Кемь». Через этот городок заключённые шли в кандалах до Рабочеостровска, где и поныне располагается порт, откуда уходят суда на Соловки. Звон кандалов был слышен жителями Кеми и Рабочеостровска сутки напролёт, наводя ужас на мирных жителей. Дожидавшиеся здесь заключённые были сильно избиваемы, унижаемы, крайне жестокое обращение с ними имело своей целью сломить дух людей, внушить им чувство страха, безнадёжности, полной покорности предстоящим лагерным испытаниям. Часто кемскую пересылку называли «вратами в ад». Доподлинно известно, что отправленные на Соловки заключённые почти в полном составе погибали там.

Из Рабочеостровска мы, как и многочисленные наши предшественники-паломники, на теплоходе два часа идём до заветных островов. Интересно, что билеты на поезд мы купили без проблем задолго до поездки, один-единственный свободный на всём острове номер на эти даты в гостинице уже был нами забронирован, казалось бы, преград нашему путешествию нет, но не тут-то было... Как известно, перед всеми паломническими поездками следуют искушения, не обошли они и нас. Оказалось, что на теплоходе нет свободных мест в тот день, когда мы приезжаем. Целые сутки я вела переписку с представителями порта Рабочеостровска и с одной туристической фирмой, расположенной неподалёку от них. В агентстве мне предложили выехать не из порта Рабочеостровска, а из Беломорска, что займёт четыре часа вместо двух, к тому же надо сойти с поезда раньше. С одной стороны, это было неплохим выходом из данной ситуации по дороге туда, но вот для обратного пути это не подходило: билеты на поезд у нас «Кемь – Москва», следовательно, нас попросту могли не посадить на поезд в Беломорске. Но, слава Богу, дело разрешилось самым чудесным образом: из порта ответили, что нашлись два заветных места, наши имена внесли в список туристов.

Дорога от Кеми до Рабочеостровска очень живописна. Погода встречала нас дождём, но этот дождь лишь дополнял окружающую северную красоту. Удивительная тишина, обилие лесов, зелени вокруг... После шумной Москвы этот мир казался каким-то особенным, неотмирным...

Перед посадкой на теплоход все надевали дождевики: дождь усилился. Лето. Начало августа. А на нас тёплые брюки, толстовки, куртки, шарфы, головные уборы... Экзотика!

Долгими показались эти два часа. Большую часть времени я провела на палубе, провожая взглядом удивительные маленькие необитаемые островки...

Но вот паломники заметно оживились: вдаль показались серые купола-луковки Соловецкого монастыря. Благородно возвышается он над Белым морем, встречая всех прибывших поклониться ему и его нелёгкой судьбе.

На причале нас встречала «буханка» – знаменитый узик-вездеход. Следуя по дорогам, размытым дождём, с то и дело встречающимися глубокими ямами, я поняла, что сидеть в конце «буханки» гораздо веселее, чем в середине или начале: на экстремальных

ухабах всех пассажиров раскачивает и подбрасывает с силой то вверх, то вниз, а тут, в конце салона, ещё и влево и вправо! Вот он, настоящий долгожданный русский экстрим!

Гостиница нам очень понравилась: стилизация под избы, большая ухоженная территория, экскурсионное бюро. Оказалось, что именно в этой гостинице останавливаются В.В. Путин, Патриарх и другие знаменитые люди. К слову, во время нашего пребывания на острове здесь остановился известный телеведущий Дмитрий Киселёв со своей семьёй.

Положив вещи и приняв душ, мы направились к экскурсионному бюро: времени у нас не так много, а увидеть хочется как можно больше. В тот же вечер я отправилась с группой от нашего отеля на обзорную экскурсию по монастырю. Купила в сувенирном магазинчике карту острова, которая мне очень пригодилась впоследствии. Сувениров продаётся множество, но меня поразил магнитик с изображённым на нём слоном и жуткой для знающих историю нашей страны фразой «Россия – родина СЛОНов». СЛОН расшифровывается как Соловецкий лагерь особого назначения...

В монастыре велись реставрационные работы, но они никоим образом не испортили общего впечатления от удивительнейшего святого места. Монастырь был основан в 1436 году преподобными Зосимой, Савватием и Германом, в XVI веке он был духовным, политическим и культурным центром Русского Севера. В июне 1920 года на Соловецких островах был создан лагерь принудительных работ, где трудились заключённые. В ноябре 1923 года был организован Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения. Место было выбрано неслучайно: в холодных круглый год водах Белого моря доплыть от острова до материка без плавательного средства не представлялось возможным, поэтому охрана была минимальной.

Экскурсия продолжалась более трёх часов, экскурсовод поведала нам множество интереснейших фактов. В своё время монахи здесь варили соль, а во времена Соловецкого лагеря особого назначения местное начальство на этих же сковородах жарило монахов. Много ужасов помнит эта земля, эта святая обитель... Стены её дышат многовековой историей... Оказываясь в таких местах, чувствуешь, что прикасаешься к вечному, великому... От этого осознания замедляется шаг, на глаза порой накатывают слёзы, взгляд исполняется премудрости и тяжести от осознания тех жесточайших пыток, которые претерпевали здесь заключённые, душа трепещет, ум старается запечатлеть всё в памяти до мельчайших подробностей...

II

На острове практически полностью отсутствует мобильная связь. Есть почтовое отделение, но работает оно редко, так что связи с внешним миром у нас нет, чему мы, признаться, несказанно рады: находясь здесь, хочется отрешиться от всего мирского и устремиться духом ввысь, прочувствовав эту землю как можно более полно.

На второй день нашего путешествия мы отправились на уже любимейшей и ставшей нам родной «буханке» по святым местам острова. Мы посетили Свято-Вознесенский скит, расположенный на печально известной Секирной горе. Именно здесь располагался штрафной изолятор (ШИЗО), куда ссылали мужчин за нарушение лагерного режима, отказ от работ, за побег и подготовку к ним, воровство и по другим причинам, на срок более месяца. Заключённых размещали в церкви. Условия содержания «на Секирке» были поистине нечеловеческими. Расстрельные приговоры приводились в исполнение именно здесь.

Д.С. Лихачёв рассказывал, что некоторых заключённых охрана сбрасывала с вершины Секирной горы к подножию по ступеням лестницы, предварительно привязав к спине короткое бревно – «балан». Много было придумано пыток: например, «поставить на комарика»: человека раздевали, привязывали к дереву так, чтобы он не мог двигаться и отходили от него. На него тут же налетала туча комаров и другой кровососущей голодной

мошкары. От нестерпимой боли человек вскоре терял сознание. Его могли или отвязать через какое-то время, после чего он приходил в себя, но на теле оставались рубцы от укусов на всю оставшуюся жизнь, или оставить его на верную гибель, найдя утром лишь его кости.

Именно здесь Д.С. Лихачёв понял одну вещь: каждый день – подарок Бога. Нужно жить насущным днём, быть довольным тем, что живёшь ещё лишний день. И быть благодарным за каждый день. Поэтому не надо бояться ничего на свете.

Как часто мы, живя в тепле и сытости, забываем такие простые истины!

На островах, а их здесь несколько – остров Большой Соловецкий, острова Большой и Малый Заяцкие, острова Большая и Малая Муксалма и остров Анзер – возведено огромное количество поклонных деревянных крестов удивительно тонкой работы, выполненных в едином стиле, который встречается только здесь.

На кладбище «Сеирки» много могил массового захоронения, на каждой написан номер трудового отряда и количество захороненных человек. Родственники погибших заключённых приезжают сюда, чтобы поклониться праху своих близких и оставляют воткнутые в могилки свечи.

Путь наш продолжился к другому скиту, где нас поразили две груды сложенного кирпича: одна груда была явно старинная, но она лишь покрылась белым налётом от времени, другая же была современная, но уже потрескавшаяся изнутри.

Нам показали удивительной красоты водоёмы с чистой водой, которую мы тут же и испили. В лесах много ягод и грибов. Воздух лёгкий и чистый. Несмотря на продолжительную экскурсию, мы совсем не чувствовали усталости.

Вернувшись с экскурсии, мы наскоро отобедали в кафе на главной улице (где всего несколько невысоких домов) и направились в музей, где представлена экспозиция «Соловецкие лагеря и тюрьма 1920-1939». Жуткие описания пыток, предметы того времени наводили на нас ужас.

Проводив маму до номера, я сменила длинную юбку на брюки и устремилась к пункту велопроката. Это самый удобный и приятный способ передвижения на острове: и увидеть можно много, чего не увидели на экскурсии, и прочувствовать дух этих мест, и через пару дней ориентироваться здесь как дома. Красоты здесь воистину необыкновенные! Небо кажется гораздо ближе, порой ты будто взлетаешь, крутя педали... Много камней, покрытых непривычным для городского жителя мхом и зеленью, знаменитые невысокие многолетние карликовые берёзки с изогнутыми стволами...

В первую свою велопоездку я решила поехать недалеко – к Филипповским садкам, где в XVI веке, во времена игуменства святителя Филиппа (Колычёва), были устроены особые небольшие, огороженные камнями-булыжниками пруды, в которых разводилась рыба. Немного непривычно было путешествовать в полном одиночестве по совершенно незнакомым местам, но для удобства паломников и туристов повсюду установлены указатели, а по дороге порой встречаются другие странники. Тем более, что преступность здесь практически вовсе отсутствует: с острова никуда не убежишь, да и народу мало, живут достаточно изолированно и кормятся трудом своих рук. После я прокатилась рядом с причалом, подъехала к монастырю, делая снимки местного колорита и мирно пасущихся рядом коровок. Каждый раз, смотря на величественные стены монастыря, удивляешься силе духа и веры великих подвижников прошлого.

На острове располагается удивительное здание: в одном и том же доме аптека, поликлиника, больница, морг, полиция, администрация города, почта, ЗАГС и другие услуги. Удобно!

Школа на острове всего одна. Детей в классах мало. Был случай, когда в классе учился лишь один ребёнок. Что примечательно: без интернета, без каких-либо электронных пособий он хорошо окончил школу и попросил свою маму разрешения поехать в Москву и попробовать поступить в Московский государственный университет на бюджетное место. Мама его долго отговаривала, считая, что это глупость и блажь, что

шансов у него по сравнению с другими абитуриентами мало, но молодой человек был непреклонен. Мать с тяжёлым сердцем благословила сына на экзамены, но каково же было её удивление, когда она узнала, что он поступил! Вот история, снова подтверждающая неоспоримый факт, что терпение и труд всё перетрут. И не столь уж и важно, живёшь ли ты вдали от «цивилизации», на небольшом острове на Севере, или в столице, где множество возможностей и все двери открыты.

Вид из окна нашего номера чрезвычайно живописный: такие лесные дебри простираются, и всё кажется, что вот-вот пролетит мимо Баба-Яга в ступе или медведь с Машенькой в коробе протопает мимо...

III

Сегодня мы идём на теплоходе на Большой Заяцкий остров. Погода нам благоволит: светит яркое солнце, тепло, во всём ощущается лето, что для этих мест огромная редкость и почти чудо. Заяцкий остров – богатейший заповедник со множеством невысоких, до сорока сантиметров, лабиринтов – выложенными из небольших по размерам булыжников, диаметром от четырёх до двадцати пяти метров. За сложность и замысловатость они и получили своё название. Это одна из загадок археологии. Поразительно, но подобный лабиринт начертан на каменных плитах готического Шартрского собора во Франции. Аналогичные мегалитические сооружения можно встретить в Ирландии, во Франции, в Скандинавии и в других странах света. И это, возможно, одно из свидетельств того, что на этих территориях жила когда-то единая цивилизация. Знаменитые «северные лабиринты», возведенные неизвестным народом, многие современные исследователи связывают с таинственной Гипербореей и датируют их IV-VI тысячелетиями до нашей эры. Местное население называет их «Вавилонами», связывая с языческими святилищами. А некоторые версии ссылаются даже на древних кельтов.

По всему острову проложена так называемая «экологическая тропа» – деревянный наст-дорожка достаточной ширины, позволяющие пройти одновременно двум людям, для того, чтобы туристы, массово приезжающие сюда в последнее время, не наступали на уникальную почву и растения: ведь земля сможет восстановить нанесённые ей повреждения только более чем через сто с лишним лет.

На обратном пути мы кормили хлебом и яблоками преследующих наше судно крупных, явно откормленных туристами, чаек. От причала мы направились в монастырь. Провела маме там экспресс-экскурсию, затарилась монастырскими пирожками и купила несколько интересных книг.

После обеда снова устремилась за велосипедом. Сегодня мой путь лежит к лабиринтам на берегу Белого моря (здесь я разговорилась с туристом, оказавшимся на острове проездом всего на день, он сказал, что Соловецкий монастырь изображён на купюре достоинством в пятьсот рублей) и Переговорному камню, где в июне 1855 года во время войны Турции, Франции, Англии и Сардинии с Россией здесь были переговоры настоятеля обители с английским офицером. После переговоров настоятель вернулся в монастырь, отслужил в Успенском соборе литургию и молебен. В ту же неделю в обители и скитах был трёхдневный пост, и Господь не допустил воюющим нарушить покой иноков, «как без милосердия они поступили в 1854».

И сегодня же я решила на одно из самых опаснейших предприятий: я в одиночку отправилась на самую южную точку острова – живописный песчаный мыс Печак. Долгая дорога пролегла через лес, указателей не было ни единого, но в отеле меня заранее успокоили, сказав, что ехать нужно просто всё время прямо, в итоге дорога сама выведет к заветному месту.

Один раз за время довольно долгого пути мне встретилась машина и один раз квадроцикл. Честно говоря, то и дело на ум приходила мысль развернуться и ехать в

обратном направлении: дороги я не знала, спросить было не у кого, начинало потихоньку темнеть, а вокруг ни души. Не дай Бог пробыёт колесо, или что другое случится, возвращаться мне пешком ой как далеко придётся. Но упорство и закалённый в подобных ситуациях характер не дали мне развернуться. Дорога была то песчаной, то с примесью камней, то болотистой. И вдруг я доехала до огромной лужи. Понимая, что переезжать её на велосипеде крайне неразумно (неизвестно, какова глубина ямы и что там вообще ожидает меня на дне мутной воды), я обошла её стороной леса, таща велосипед за собой по болотным кочкам, где ноги утопали в воде по щиколотку.

Однако на следующей луже, которая своими размерами напоминала скорее маленький пруд, мне пришлось оставить велосипед, запрятав его в траву у дороги. Далее я пошла пешком. Дорога сужалась. К своему величайшему облегчению – а мне уже было явно не по себе от неожиданно столь длительного путешествия – я встретила женщину, спокойно возвращавшуюся с мыса. Она сказала, что идти ещё минут двадцать. Я устремилась туда почти бегом, порой согнувшись пробираясь через кустарники.

Моё упорство и желание увидеть красоту острова в максимально полном объёме увенчалось успехом! Я на «краю света» – на песчаном берегу мыса Печак Русского Севера! Уникальное место, чувствуешь себя будто единственным человеком на Земле.

Недолго прогулявшись там, я устремилась назад. Отыскала велосипед, заброшенный мною у дороги, но крутить педали оказалось очень тяжело после таких нагрузок с непривычки. С горячей молитвой Господу и святителю Николаю я на всех парах неслась обратно и просто чудом успела до темноты.

В отеле я спросила, какова моя судьба на завтра. Дело в том, что в самый первый день мы спланировали всё наше время так, чтобы успеть увидеть как можно больше памятных Соловецких мест. Я горела желанием посетить остров Анзер, но свободных мест всё не было. Каждый день я спрашивала, не появилось ли местечко, но мне в ответ лишь печально качали головой. Последняя возможность увидеть его – завтрашний день.

И – о чудо! – есть одно место. Завтра я отправляюсь на заветный остров!

IV

В шесть часов я уже бодрым шагом направлялась к обители, где был сбор группы. Над монастырским прудом висел туман, нежно освещаемый уже вставшим ярким северным солнцем.

Путь наш занял около двух часов, мы вышли на небольшом теплоходе под названием «Голгофа» из монастырского причала, а на Анзере причалили к мысу Кеньга. На наше счастье дождей не было все те дни, что мы здесь пробыли, иначе не увидели бы и половины того, что хотели посетить. Анзер – удивительнейшее место! Сейчас здесь тишь и благодать, красота необыкновенная. А во времена СЛОНа остров стал местом содержания «нетрудового элемента» – тех, кто по разным причинам не мог работать: инвалидов, тяжелобольных, отпетых уголовников, отказывавшихся от работ, «мамок» – женщин, родивших в лагере детей. Смертность здесь была одной из самых высоких в лагере, так как паек неработающих заключённых был еще скуднее.

В Троицком скиту находились в заключении православные и католические священники. В Голгофо-Распятском скиту находился лазарет. Умерших было такое количество, что в те времена, времена жесточайшего гонения на Церковь, сама земля возопила к небу: поныне взгляды паломников удивляет берёза, выросшая в форме креста. Невольно вспоминаются строки Писания: «Учитель! Запрети ученикам Твоим». Но Он сказал им в ответ: «Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют».

Экскурсия-поход продолжалась целый день. Мы обошли с посохами, как древние аскеты-подвижники, практически всё, что было возможно обойти за такое короткое время. Проникшись духом святого острова, мы в безмолвии возвращались назад.

Обратный путь был омрачён поведением одной «паломницы», которая на весь трюм, в котором мирно дремали уставшие путники, громко рассказывала о своей жизни и какие-то гадкие вещи совершенно ни к месту и ни ко времени. Один молодой человек попытался было вежливо сделать ей замечание, взывая к её чувствам и совести, но она раздула такой скандал и нанесла ему столько словесных оскорблений, что молодой мужчина потом долго сидел, с трудом умиряя свой гнев, стараясь сдерживать потрясывания своего тела. А та тётка в это время продолжала громко вещать на всё помещение, как ни в чём не бывало, о своих планах сейчас же отправиться еще и на соборование в монастырь. Сколько же сил и энергии у подобного рода типов! Что ещё раз подтверждает, что не от добра и не только от себя и своих сил они такое творят...

Как же я жалею, что почему-то не поддержала его тогда! Во-первых, я абсолютно убеждена в том, что добро отстаивать нужно, позже мне очень понравилась книга Ивана Ильина «О сопротивлении злу силой»; а во-вторых, к сожалению, большинство людей довольно трусливы, чтобы сделать даже элементарное вежливое замечание, тем более поддержать обижаемого... Но если заступятся хоть один-двое, то преимущество уже будет на стороне правых, и правда будет справедливо восстановлена.

V

Сегодня мы решились на ещё одну экстремальную поездку по озёрно-канальной системе Большого Соловецкого острова. Несмотря на морозящий дождь, арендовали вёсельную лодку, чтобы своими глазами увидеть уникальные каналы, проложенные монахами через озёра острова огромными валунами. Такого явления мы нигде более не видели! Однако поездка оказалась настолько тяжёлой и опасной, что маму я всё же оставила на берегу, а по озёрам отправилась в одиночестве. То тут, то там установлены указатели с большими стрелками, следуя которым вы проплываете либо Малый круг, либо Большой круг, начиная с Щучьего озера.

Грести было нетрудно, несмотря на то, что особой подготовки и практики у меня не было. Но усталость быстро дала о себе знать. Конечно, в такое путешествие надо отправляться вдвоём, а то и втроём – можно сменять друг друга – да и с разговорами время летит быстрее и не так жутко, хоть на мне и спасательный жилет. Но это больше для самоуспокоения – спасёт он ненадолго, когда вода жутко холодная, а вокруг ни души.

Доплыв до знаменитых уникальных узких каналов, которые были насыпаны вручную, отчего берега представляли собой своего рода каменистый желоб, я сделала несколько снимков и, пропустив семейство уток, устремилась назад. Грести было всё труднее и труднее, руки были в мозолях, влажные от дождя перчатки прилипали к открытым ранам рук, вызывая боль. И снова с молитвой ко Господу и святителю Николаю я добралась до берега, даже успев до заказанной на обратный путь машины, которая должна была увезти маму в отель, а мне при опоздании пришлось бы добираться пешком, что очень далеко отсюда. Слава Богу! А то ведь сколько же мне пешком пришлось бы шлёпать до нашего отеля под дождём! Заехав по пути в магазин, мы устроили на прощание чудесный обед в номере, заказав местную, недавно пойманную, жареную рыбу.

VI

Последний день! Столько всего Господь сподобил здесь увидеть, хотя пробыли мы здесь так недолго! Солнце снова ярко светит в небе. Нужно отметить, что погода нам благоволила на всём протяжении поездки. Местные говорили, что до этого времени шли проливные дожди.

И вот мы отходим на теплоходе от столь чудного места! Крик чаек над головой, солнечные блики на воде, шум мотора и тишина на сердце... Кто знает, доведётся ли ещё когда побывать в этих удивительных скитах и лесах!

И опять на борту был скандал: на этот раз уже меня всю пытались согнать с наших законных мест «паломники» пенсионного вида. Что за манера постоянно: как видят воспитанную молодёжь, так сразу же стараются больно задеть и унизить?! И это ещё вроде как верующие люди, приехавшие в такое святое место! Правильно теперь хотят святыни закрывать от нахлынувших толп случайных прохожих. Да и в Писании сказано, что нельзя давать святыни псам и метать бисер перед свиньями... Свои места нам с мамой чуть ли не в прямом смысле слова пришлось отбить, слава Богу, что всё закончилось довольно быстро и победа была за нами, отчего эта компания со стыдом ретировалась в другой конец салона буквально поджавши хвост.

Подстраховавшись ещё в Москве до начала всего путешествия, обратный билет на поезд мы взяли на день позже нашего отплытия: известны случаи, когда на море разыгрывается настоящий шторм, и судоходная связь с материком прекращается. Поэтому мы забронировали номер в причале Рабочеостровска заранее. Разместившись в номере, я без промедления устремилась к ещё одной небезызвестной достопримечательности – месту съёмок замечательного фильма Павла Лунгина «Остров». Данное место представляет собой небольшую часовенку, перестроенную из домика на берегу, и деревянные настелённые дорожки, по которым главный герой катил телёжку с углём.

Очень мне нравится этот фильм! Особенно сцены бесед старца со страждущими. Моя любимая – когда однажды приехала в числе прочих беременная девушка посоветоваться со старцем о том, как ей быть: ведь она не замужем, отца у ребёнка не будет. На что старец ей строго ответил:

- Что, пришла благословения на убийство просить?! В ад собралась? И меня с собой затащить хочешь! Вот тебе, а не моё благословение! – и гневно показал ей кулак.

- Ежели я его рожу, меня никто замуж не возьмёт! Кому я с дитём-то нужна? – рыдала она.

Он пристально посмотрел ей в глаза так, будто куда-то намного дальше глаз смотрел, и уже спокойно сказал:

- А тебя и так никто не возьмёт. Вон... На роду написано. А здесь ребёночек будет, утешение... Всю жизнь себя проклинать будешь, что дитя-то невинное убила...

И ласково добавил, улыбаясь:

- Ну ладно, вставай с колен. На коленях Богу молиться надо, что передо мной-то стоять!.. Мальчик-то будет... зо-ло-той!..

VII

На следующий день мы сели в Кеми на поезд до Москвы. Дорога была приятная. Читали книги о Соловках, кушали купленные на станциях ягоды и рыбу...

Ночью вышли на культовой станции «Бологое» фотографироваться.

Удивительное путешествие, оно навсегда останется в нашей памяти!

2015 год

Глава V. О, дивный остров Валаам!

*О, дивный остров Валаам!
Рука Божественной судьбы
Воздвигла здесь обитель рая,
Обитель высшей чистоты,*

*Обитель чудную, святую,
Жилище избранных людей,
Обитель, сердцу дорогую,
Обитель мира от страстей.*

*Богоизбранная обитель!
Пречудный остров Валаам!
Тебя дерзнул воспеть твой житель,
Прими его ничтожный дар!*

*Не знаю, как воспеть сумею
Твои долины и поля,
Твои леса, твои заливы,
Твои священные места.*

*Я о тебе сказать не смею:
Ты так величием полна!
Сложить я песни не умею:
Перед тобой она бледна.*

*Одно скажу лишь я: без меры
Ты в жертву Богу принесла
Всю чистоту Святых Веры
И плод священного труда.*

*Какое место ты избрала!
Какой воздвигнула алтарь,
И как прилежно воспевала
В нем Бога истинного тварь.*

*Но было здесь иное время:
Стояло капище богов,
И жизнь греховная кипела
Под оком бдительных жрецов.*

*Не знаю я, как долго длилась
Та служба мерзостным богам;
Но милость Божия явилась
На сей гранитный Валаам:*

*Андрей Апостол – есть преданье –
Крестом рассеял мрак греха,
Предрекши Веры процветанье,
Поста, молитвы и труда.*

*Сбылося Божье слово верно:
Тот крест прогнал врагов Христа,
И ныне зрим, как ты священна,
Обитель Вышняго Царя.*

*Тебя Подвижники Святые
Сергий и Герман основали;
Здесь же и мощи их честные
Своим нетленьем просияли;*

*А души их там – в небесах,
В чертогах Божиих витают.
На всех нас грешных – в чудесах
Щедроты Божии являют.*

*Хвала тебе, обитель славы!
Ты блещешь в юной чистоте,
Храня все строгие уставы
В своем монашеском житье.*

*Мне перечесть не хватит силы
Святых подвижников твоих.
Но их поросшие могилы
Легко напомнить могут стих.*

*Одно, одно лишь знаю верно:
Ты много вынесла скорбей.
Терпела много искушений
От злых, завистливых людей.*

*Тебя не раз опустошала
Толпа неистовых врагов;
Но ты лишь мужество являла
Средь всех лишений и тревог,*

*И после долгих испытаний,
Опустошений и борьбы,
Как властелин своих желаний,
Во всей красе явилась ты!*

*Смиранных иноков обитель!
Приют трудящихся рабов,
В духовный мир путеводитель,
От силы вражией покров!*

*Могу ли я узреть твердыню,
На коей выстроилась ты?
Могу ль воспеть твою святыню
И понести твои труды?!*

*Своё бессилье сознавая,
Чтоб величать тебя в стихах,*

*Я дальше продолжать не стану:
Сама обитель на глазах!..*

*Одной желаю лишь отрады,
О сем с надеждой я молюсь,
Пожить в стенах твоей ограды,
Пока за гроб переселюсь!..*

*Хотя опять сверкает море
И манит свежестью пути,
Мне тяжело – печаль и горе!
В душе последнее "прости".*

*Ах, зыбь души сильнее, чем зыбь морская,
Вдыхая, каяся, скорбя,
На век святыню покидая,
"Прости" твержу я про себя.*

*О, Валаам многострадальный!
О, страстотерпец Валаам!
Опять удел судьбы печальной
Пришёл к святым твоим местам.*

*Опять ты, ранами покрытый,
Стоишь безмолвный и пустой,
Полуразрушенный, избитый,
Но тот же дивный и святой.*

Гимн Валаамской обители

I

И вот, спустя столько времени и многочисленных событий, с Божией помощью я очутилась на Валааме! Двадцать восьмое июня две тысячи шестнадцатого года. Священный остров в Ладожском озере. Дорога была интересной и непростой: из Москвы на двухэтажном поезде до Санкт-Петербурга, потом две станции на метро до Финляндского вокзала, потом три часа на электричке до Приозерска, потом на такси до причала, двухчасовое ожидание посадки, далее четыре часа на монастырском теплоходе «Святитель Николай»...

Все чемоданы, сумки, рюкзаки паломников собрали и закрыли в трюме, так как начал накрапывать северный мелкий дождь. То и дело в надозёрном белёсом тумане показывались одиноко стоящие лодочки с также одиноко сидящими в них рыбаками с покрытыми капюшонами головами и мерно покачивающимися на волнах, создаваемых нашим небольшим, оттого ещё более уютным в столь гармоничной атмосфере, теплоходиком...

И вот мы видим смиренно-гордо возвышающийся над Ладогой Никольский скит. Ещё немного, и мы заходим в узкие врата из габбро-диабазы, ведущие в монастырскую бухту, где нас уже встречают доверенные из братии монастыря.

Нашу небольшую группу разместили в старинном красного кирпича рабочем доме при монастыре в трёх кельях, на несколько человек каждая. В нашей келье пятеро сестёр (я с подружкой, с которой мы самым необыкновенным образом оказались в аспирантуре односторонними, приятная молодая женщина Катя из Нижнего Новгорода, Яна из Санкт-Петербурга и прихожанка московского Сретенского монастыря). Разместились с

комфортом и как-то сразу по-домашнему освоились. Сходили на ужин. Очень много людей в общей для работников трапезной: сначала стоишь в очереди (здесь и трудники, и волонтеры, как мы, но больше всего строителей – мужчин, часто с тяжёлым взглядом, серыми лицами, характерными татуировками на ладонях), потом раздатчицы спрашивают, постное или непостное вам положить (ведь сейчас идёт Петров пост, начавшийся как раз в день нашего прибытия на остров – двадцать восьмого июня), далее получаешь металлическую миску, относишь её на свободное место и возвращаешься к столу, где можно положить себе салат и налить напиток. Еда нам показалась достаточно сытной и питательной, порции немаленькие. Однако в скором времени мы поняли, что еда не очень разнообразна: как правило, и супы, и второе были практически одинаковыми все дни нашего пребывания, компот из сухофруктов, а утром зелёный чай с жасмином и плавающими в огромной алюминиевой кастрюле кусочками лимона. Помолвившись перед едой, мы садимся за огромные длинные деревянные столы на такие же большие скамьи, быстро-быстро едим и, снова помолвившись, выходим из трапезной на монастырскую брусчатку.

Всё кажется вокруг волшебным и неправдоподобным: казалось бы, ещё вчера дома, в Москве, со всеми «благами цивилизации»... И вдруг ты здесь! На священном таинственном острове в далёкой северной земле, на земле величайшего монастыря, на земле великих подвижников!.. Где и сейчас молитва не утихает, где точно знают, что главное на земле – молиться и трудиться!..

На нашем этаже нас ждал наш наставник инок Владимир, высокий и крепкого телосложения мужчина сорока с небольшим лет, статный и с огромной силой не только физической, но и духовной, видной во всём его облике. Мы расселись полукругом на стульях в небольшой чайной комнате. По очереди каждая из сестёр-трудниц, коими мы теперь являемся, рассказывала вкратце о себе – своё имя, возраст, профессию, увлечения. Моя очередь была первой. Было видно, как все немного волнуются знакомиться-представляться. Интересно было подытожить и отцу Владимиру, и нам, что подавляющее большинство приехавших в этом заезде (а нас, к слову, на начало заезда было четырнадцать сестёр) были мои коллеги-педагоги!

Отец Владимир (хоть к иноку так обращаться не совсем верно, но мы всё же, посоветовавшись, пришли к выводу, что иначе нельзя и будет явно неуважительно) нам в свою очередь рассказал, что нас ждёт, каков фронт работ, режим, правила в обители:

- И если вы что-то знали об армии в миру, то приготовьтесь: она вам здесь покажется просто цветочками... – подвёл итог своего непродолжительного рассказа инок.

Перед отбоем другой, так же не лишённый харизмы, насельник обители иеродиакон Евдоким провёл нам уникальную экскурсию по храмам монастыря, так что мы смогли увидеть закрытые для паломников и туристов места.

В конце экскурсии, когда мы уже вышли за ворота монастыря, к нам с моей подругой подошёл трудник, помогавший братьям, с вопросом, как наши имена.

- Анна, – удивлённо ответила я.

- Вам первое послушание. Вот термосы, в них должен быть чай на всю группу, который разносится дважды в день во время работы.

- Хорошо, – согласилась я и взяла у него два тяжёлых чёрных термоса с ремешками-лямками.

- Воду из-под крана раковины достать чайником не получится, поэтому из душа.

- Да. Поняла. Сделаю.

После душа уснули все крепким сном сразу после отбоя в одиннадцать часов.

II

Двадцать девятое июня. Встала ровно в семь: ещё с вечера договорились, что на полунощницу после дороги не пойдём, начинается она очень рано, да и надо беречь свои

силы, не зная, какой объём работ нам сегодня предстоит. Быстро собравшись, прочитав в келье утренние молитвы, мы буквально сбегали на завтрак (постная геркулесовая каша и чай с имбирём и лимоном), после вернулись в кельи, положили в рюкзаки запасные дождевики, рабочие перчатки, средства от комаров. Как мне было велено, заварила в термосах чёрный сладкий чай. И вот уже мы стоим у ворот Работного дома, подъезжает машина типа «Газель», мы набиваемся в неё и едем на Владимирский скит.

Интересно рассмотреть нашу компанию теперь: ещё столь привычная вчера мирская одежда сменилась строго-крестьянской да притом и рабочей. Длинные юбки, резиновые сапоги, длинные рукава верхней одежды, платки... Дождевики наготове, погода пасмурная сегодня, нет-нет да и накрапывает мелкий дождик. Лица задумчивые. Видно, что будущие работники ещё не до конца проснулись, а природа буквально зачаровывает своим северным обликом, настраивает на особый лад, каждый погружается в себя.

Ехали мы недолго, в маленьком домике помолились всей группой перед образом Спасителя о даровании нам сил и мудрости для работы, после чего отец Владимир начал отбирать нас по двое-трое и отводить в разные места скита. Меня он выбрал первой, велел отнести термосы в малюсенькую кухоньку. Быстро сделав это, вернулась за уже ушедшей в сторону дома Патриарха группой.

Сегодняшнее моё послушание – приводить в порядок и наводить красоту вокруг патриаршей беседки. Нравится мне работать метлой! Но высохшие коричневые веточки туи сметаются метлой с очень большим трудом, поэтому то и дело приходится брать в руки швабру.

Отец Владимир мне наедине сказал, что моё послушание разносить дважды в день во время работы – в одиннадцать и в шестнадцать часов – чай в термосах с небольшим перекусом:

- Только это не просто чай, вы должны понимать... Это надо по-особому... Это надо с улыбкой, с хорошим настроением и радостью... Люди устают, их надо утешить... Поговорить где, пошутить... Только старайтесь так, чтобы не больше двоих-троих за раз чайком поить...

В полдень нас увезли обратно к монастырю. Есть немного времени, чтобы привести себя в порядок, немного передохнуть, заварить новую порцию чая в термосы. В час идём на обед (постное первое, второе блюдо, салатик обычно или квашеная капуста или тёртая свёкла, компот), после желающие спешат на совершаемый в этот день в храме молебен. Молебен длится около получаса, но прихожан в храме много, и с первого взгляда сразу различаешь «своих». При монастыре есть возможность пожить трудником (это трёхнедельное пребывание с работами на огороде или в других местах) или волонтером (двухнедельная работа «экологом», как нас здесь называют). Так что людей действительно в итоге собирается в сезон немало.

После снова на послушания. Чай разносить интересно: ходишь по всей территории скита, слушаешь звуки леса и пение птиц, наблюдаешь за лесом и другими работниками, знакомишься, общаешься, улыбаешься...

Возвращаемся в кельи вечером, идём на ужин, а кто хочет, точнее, у кого есть силы, направляется на богослужение.

III

Тридцатое июня. Уже со всеми познакомилась. Послушание моё на сегодня – вырезать секатором красивые кружочки на траве вокруг невысоких кустов сирени у дома Патриарха. Так что можно сказать нескромно, что я сегодня патриарший садовник. Дело это не из лёгких: сначала выдернуть все сорняки, проредить почву специальными небольшими граблями с длинными зубьями, потом аккуратно выстригать траву по кругу, так чтобы в центре она была низкая-низкая, далее взять тачку с лопатой и отправиться с этим в лес к земляной куче, набрать оттуда в тачку земли (очищая её от то и дело попадающихся в неё червяков, камней и остатков кирпичей), вернуться с тяжёлой тачкой

назад, аккуратно насыпать под сирень землю и равномерно её распределить по всему диаметру, не попадая на подстриженную только что травку. После вчерашней работы шваброй сразу же вскрылись две мозоли, а сегодня уже мозоль от секатора после первых трёх часов работы.

Очень переживала, когда вечером сдавала работу отцу Владимиру. Он подошёл, улыбнулся. «Что же? Настолько всё плохо? Ох...» – проносится в голове. К тому, что придётся всё переделывать, я была готова с самого начала работы.

- У вас лучше всего пока... Я уже смотрел у вас, пока ходил... У вас прямо то, что надо! – и, довольный, радостный стоит.

Я молчу, улыбаюсь, сама не веря тому, что слышу. Он спрашивает вдруг:

- А знаете, почему?

Я посмотрела на него с удивлением и улыбкой:

- Потому что с молитвой? – робко спросила я.

- Потому что вот здесь, – при этих словах он поднёс маленькую картонную коробочку с чем-то лежащим внутри наподобие шурупов к моей голове и легонько постучал, – вот здесь есть. То, что надо, есть...

- Спасибо-о... – растерянно протянула я. – Очень приятно...

- Только никому не говорите.

Действительно было очень радостно получить такое благословение на работу от столь строгого брата! После такого хотелось работать лучше и лучше.

Позже, когда мы оказались с моей подружкой и с отцом Владимиром наедине, он по секрету рассказал, что эти три послушания – разносить чай дважды в день по всей территории во время работ; прибирать рабочий домик, где мы молимся до и после трудов и где есть небольшая кухонька; и быть комендантом над другими волонтерами – самые главные и ответственные, для них особо отбираются приехавшие через Божий Промысл. Слава Богу за всё! Это и правда приятное послушание: ты приносишь горячий сладкий чай (а часто ещё и с лимоном!), перекус, отдых, улыбку, общение, радость, что на православном языке называется утешение...

Утром ходили с Катей на полунощницу. С вечера условились, что если она просыпается раньше, то будит меня, мы быстро собираемся и убегаем. И вот сквозь сон чувствую, что кто-то меня пытается похлопать по руке. Почему пытается? Потому что и я, и Катя расположились на вторых этажах двухэтажных кроватей, и вот она сейчас решила меня разбудить таким экзотически-экстремальным способом, с трудом дотягиваясь с верхотуры своей кровати до верхотуры моей.

Какая в храме благодать! Этого не передать никакими мирскими словами и не описать никакими светскими категориями! Потому как описывать означает устанавливать какие-то ограничения, рамки, а здесь безграничное счастье и свет... Закрыла глаза и почувствовала, как полились по щекам слёзы... Валаам! Святое место! Кто бы знал, что я смогу всё-таки сюда приехать, несмотря на многочисленные трудности! Знаменитое валаамское пение, которое так и тянется тягуче-медленно по храму, устремляясь прямо в тебя, проходя тебя насквозь и уносясь далеко ввысь, захватив частичку твоей души!.. Кто бы мог подумать, что Господь сподобит здесь побывать!.. Приложились вместе с многочисленной братией к мощам и иконам.

После ужина ходили купаться в Кукинский залив Ладожского озера. Вода, конечно, прохладная, но как приятно окунуться в священные воды Северного Афона после трудового благодатного дня! После омовения ещё немного прогулялись по острову. Зашли в церковную лавку, где я по ошибке купила совершенно не ту книгу о Валааме, какую следовало бы приобрести для знакомства с островом... Это был первый и, надеюсь, последний раз, когда я не смотрела содержания, почему-то вдруг доверившись продавцу и положившись на русский авось. Открыла книгу после покупки... О-о-о, карта! Думаю, карта Валаама, хорошо... А в келье рассмотрела подробнее... Там оказалась... Схема кладбища! Долго мы ещё с девочками громко хохотали, когда я со всеми подробностями

рассказывала, как её купила, почему мой выбор пал именно на неё, как я возмущена, что продавец меня не предупредила о моём необдуманном и столь странном выборе «литературы на память»... Литература получилась на память точно, такое не забудешь... О вечной памяти, о ужас! А когда я в конце наших размышлений и многочисленных советов «коллег» решила всё же поподробнее зачитать оглавление сей книги, то стало совершенно очевидно, что оставлять столь захватывающее чтение с подробными схемами всех могил и полным перечнем пребывающих там мне не стоит ни под каким благовидным предлогом и нужно постараться её поменять завтра же!

IV

Первое июля. Слава Богу, книгу разрешили поменять, но учитывая цену этой, пришлось взять весьма увесистый томик. Теперь у меня одной самая большая книга о Валааме, видимо, народ просто не хочет утруждать себя столь длительным чтением, да и везти её с собой потом довольно-таки долго придётся. А ведь мне её с самого начала и предлагали! Истинно на Валааме открывается сразу же, что всё на своих местах, и всё явно уже решено за нас. Нам остаётся лишь с благодарностью и готовностью принимать Божью волю.

Сегодняшнее послушание – отмывать после только что закончившегося ремонта, точнее, завершившегося строительства и сдачи постройки, домик-гостиницу для гостей Патриарха. На улице стоит жара, солнце печёт, так что мы даже успеваем загореть, невзирая на то, что лица наши во время работы наклонены к земле. Но в домике-гостинице прохладно, да ещё и моем холодной водой. Кстати! Утром забыла рабочие перчатки из плотной хлопчатобумажной ткани, взяла только резиновые, которые с первого дня работы лежали на дне рюкзака. И вот опять «неслучайность»: именно они мне и нужны именно сегодня!

После обеда были на молебне преподобным Сергию и Герману, Валаамским чудотворцам - основателям обители.

Вечером мы нашли место, где можно взять напрокат велосипеда, и отправились вчетвером в довольно изнурительную поездку к скиту Всех Святых. Местность на Валааме сильно холмистая, то ты с горы лихо летишь, что аж от скорости дух захватывает и хочется радостно кричать, то еле взбираешься-вползаешь на гору, так что даже порой не велосипеда везли нас, а мы их.

Отец Владимир рассказал в конце сегодняшнего послушания следующую притчу. В Древнем Риме правил один сильно затейливый император. И вот решил он построить кривой дом. С кривыми окнами, дверями, потолками, полами и лестницами. Когда дом был готов, он приказал своим слугам пройти по дому, подняться наверх и спуститься. А спуститься-то никто и не смог: настолько у них в голове всё переменялось оттого, что всё вокруг неправильное. Во время притчи отец Владимир смотрел на меня.

«Если здесь, – при этих словах он похлопал себя по лбу трижды, – всё правильно и ровно, то и всё остальное, и работа, будет ровной...»

V

Второе июля. Суббота! Работаем сегодня только первую половину дня. И вот мы снова на велосипедах и едем сквозь солнечный лес на Золотой берег. Ехали мимо игуменского кладбища (мимоходом весьма уместная и своевременная шутка от подружки, напомнившая мне о той злополучной и комичной истории с покупкой книги) и часовни Сергия Радонежского.

Золотой берег полностью оправдал своё название. Место удивительнейшей красоты! Красота и экстрим слились у нас в одно: вода в том месте леденящая. Как мы узнали позже от экскурсовода на воскресной экскурсии, температура воды здесь не

поднимается выше пятнадцати градусов. Но с троекратным крестным знаменем и с Именем Божиим всё можно вынести.

На обратном пути заехали в местечко, где плавали в первый раз, только отъехали подальше в лес. Очень глубокая вода здесь оказалась! Через пару шагов дно уже не чувствуется. Вода тёплая и приятная, нежная, будто мягкая, как кисель. На берегу кушали монастырские пирожки с капустой и имбирные пряники, запивая кушанья квасом. Нашли несколько ягодок земляники и черники. Красота!

В семь часов вечера началась служба, длившаяся более четырёх часов. Первые полтора часа, пока стояли в очереди на исповедь, пролетели удивительно легко и быстро. Потом, конечно, уже начала давать о себе знать усталость, однако прихожан было немного и можно было посидеть.

Как поёт валаамский братский хор!.. Слёзы то и дело наворачивались на глаза. Вот оно, вечное! Вот оно, настоящее и истинно верное! Не знаю, что именно приходило мне на ум, но мысли вихрем проносились в моей голове какими-то разрозненными отрывками, клочками, эпизодами из жизни, не задерживая на себе моё внимание, а быстро уносясь вдаль, вдаль, куда-то далеко отсюда, слишком далеко, чтобы об этом можно было не думать в таком месте и не нарушать молитвенного умиленного созерцания... Получилось так, что мы стояли слева от алтаря, под фреской, изображающей распятие Христа. Как мне было Его жалко! Как хотелось протянуть руки и снять Его со креста! И вот стою я и всё отчётливее понимаю, что живу неправильно, что вот такие же люди, как я, Его и распинали тогда...

Крест с распятым Христом на фоне багрового неба... Пока шла служба, за окном темнело... Освещение в храме менялось тоже... И казалось, будто фреска оживает: время суток меняется и там!..

VI

Третье июля. Прошу прощения за тавтологию, но Литургия была просто божественная! Воистину вспоминаешь слова послов князя Владимира: «Не знаем, где мы были: на Небе или на земле, и, вкусивши такой сладости, мы уже не хотим ничего другого...»

Такого пения я ещё и близко нигде не слышала ни разу в жизни! Голоса льются откуда-то сверху, будто окутывая тебя благодатью, затем проходя через сознание куда-то внутрь и распространяясь, разливаясь внутри... Ты не можешь двинуться, ты уже боишься дышать, чтобы не нарушить этот благоговейный трепет, это чудное умиление. Что-то постоянно напряжённое внутри расслабляется, и слёзы в какие-то моменты непроизвольно наворачиваются на глаза...

После службы нашла в церковной лавке красивое издание – Божественную литургию и Всенощное бдение, исполняемое монахами обители, в коробочке и с нотами.

Причастилась. К слову, все наши тринадцать трудниц были в храме. Большинство причастились. Вот какой у нас заезд!

Так как сегодня воскресный день, нам провели автобусную экскурсию по скитам (Воскресенский, Гефсиманский (рядом находится часовня «Моление о Чаше»), гора Елеон, Коневский скит, Владимирский скит, пустынька игумена Дамаскина, ферма). Экскурсия замечательная! Экскурсовод чудо! Четырёхчасовую экскурсию она хотела продлить до пяти часов, но мы деликатно-настойчиво попросились на ужин.

После ужина купили очень вкусную местную форель горячего копчения и отправились на пикничок на берегу Ладожского озера. Время провели замечательно! Прогулялись затем до Никольского скита. Какие завораживающие природные виды! Решили прийти сюда в хорошую погоду встречать закат, захватив с собой вкусные монастырские пирожки и помидорки.

В общем, этот выходной день выдался, пожалуй, даже более напряжённым, насыщенным и тяжёлым, чем день рабочий.

VII

Четвёртое июля. Сегодня решили «начать новую жизнь»: в храме были трижды – на полунощнице в пять утра, на молебне преподобному Антипе Валаамскому в половине второго и на вечерне в пять часов вечера. Погода несколько испортилась, отчего моё послушание с чаем стало лишь более интересным: резиновые сапоги (мне велики), зелёный плотный дождевик, два термоса (один на ремне на плече за спиной, второй в руке), стаканчики и большой пакет с вкусностями (сегодня это огурчики с хлебушком).

Вспоминается, как на второй день (а вечером накануне выдали булочки с кунжутом) меня удивлённо спросил в трапезной один трудник, который здесь уже давно:

- А где ваши булочки?
- Нам их вчера сказали реализовать...
- И?..
- И... Мы их съели...
- Ну... вы... и... п-п-постницы!..

Вечером была беседа с батюшкой, отцом Никоном, с чаепитием. Очень поучительно и душевно!

Приведу наиболее запомнившиеся высказывания отца Никона.

Если у нас в семье на первом месте заповеди Божии, Бог такую семью никогда не оставит.

Авраам верил в Бога во всё, даже безропотно согласился принести своего сына Исаака Ему в жертву, и это вменилось ему в праведность. Доверие Богу, упование на Него – это не просто вера, это опора: ты опираешься на Бога в различных житейских ситуациях. Это особое состояние, к нему надо прийти постепенно. И постоянно чувствовать себя без Бога недостаточным во всё. «Наша воля есть медная стена между нами и Богом». Кто надеется на себя – обязательно ошибётся, а кто уповает на Бога, того Господь «иже веси судьбы спасёт».

Переживать скорбь надо как пловец: скорбь находит на тебя как волна, а ты под неё подныривай. Всяческую скорбь надо пережить, в итоге она приведёт к большой радости.

Человек непостижим до конца, ведь в нём Образ Божий. По словам святителя Феофана Затворника, до тех пор, пока человек не соединит в себе чувства и разум (сердце и мозг), он собой управлять не может.

Молитве же больше всего мешает излишняя попечительность, многозаботливость. Когда становишься на молитву, надо уйти от мира, из мира.

Зависть и осуждение появляются при сравнении себя с другими. Но мы все разные, разные семьи, генетика, смысл жизни от Бога тоже у каждого определённый. Если завидуешь человеку, завидуй и его труду или его жизни после смерти.

Дух человеческий ничем конечным не может удовлетвориться. Достигнув любой земной высоты, радости у человека нет. Лишь Любовь – на века.

Чтобы усилить покаянный дух, надо вспоминать свои самые постыдные грехи, но не отчаиваться и просить Господа даровать дух покаяния. Необходимо читать жития святых и Евангелие, постоянно пребывая разумом в этих книгах и сравнивая себя со святыми.

Как избежать греха? Надо бояться и избегать всего, что связано со грехом. Например, при грехе винопития бояться застолий и тому подобного. И Господь, видя, что ты боишься, бережешься, поможет тебе и укрепит...

Уже двенадцатый час, завтра хотелось бы также много быть в храме. Иначе зачем мы здесь?..

VIII

Пятое июля. Ходили на полунощницу. Работаем в авральном режиме: осталось всего несколько рабочих дней до престольного праздника и приезда Патриарха Кирилла и нашего президента В.В. Путина.

После ужина и полиелея пришли полуживые в номера (как я их называю). Я уже было надеялась, что хоть сегодня мы побудем вечером в отдохновенном состоянии... Как говорит Катя, в релаксационной лёжке (спячке). Тем более днём и на молебне были (преподобным Сергию и Герману Валаамским). Да не тут-то было! Настенька сподвигла всех в девятом часу на поход через пихтовый лес к игуменскому кладбищу (не зря, видимо, она тогда во время велосипедной прогулки пошутила). Вернулись, когда уже темнело (а темнеет тут очень поздно) и буквально рухнули в кровати, конечно же, прочитав перед этим молитвы на сон грядущим.

IX

Шестое июля. Рано, до пробуждения остальных членов экипажа, читали утреннее молитвенное правило вместе с комендантом Катей. Очень необычное ощущение, когда молишься вслух вместе с кем-то, особенно когда человек тебе мало знаком.

Потом ходили на Литургию. Точнее, лишь на её часть – минут двадцать успели помолиться с братией перед работой. Вообще, к слову сказать, несколько не вдохновляют столь кратковременные забеги в церковь, но что поделаешь! Как говорят старцы, послушание превыше поста и молитвы!

На послушании подрезаю секатором травку вокруг елей. Под ними очень сыро, и, хоть я и в резиновых сапогах и на тёплой сидухе, однако всё же простыла.

Ходили на полиелей. Вечером в нашей гостиной вчетвером (с Настей, Катей и Яной) пили чай с пирожками с капустой, шоколадом, консервированной кукурузой в банках, помидорками, ржаным хлебом с абрикосовым вареньем... Красота! Обсуждали произошедшее, думали о будущем...

X

Седьмое июля. Удалось помолиться на Литургии почти целый час. Работать сегодня надо очень много и крайне быстро: завтра приезжает сам президент!

Я с учетверённой скоростью обрезаю секатором траву вокруг ёлок. Во вторую смену отец Владимир поставил нас работать вместе с Настей. И вообще так интересно: он ведь не знает, что мы подруги в Москве, а ставит нас часто на работы рядом. Значит, и правда всё неслучайно.

Признались с ней друг другу, что частенько пишем наши имена в записочках на Литургию. «Мне кажется, это как-то ещё больше сближает наши души...» – сказала она.

Омрачило наш бодрый и радостный рабочий дух только поведение мужиков: работать не хотят совершенно, только чай-кофеёк распивают (не убирая за собой грязную посуду и крошки), курят, без конца болтают (хуже баб базарных) и прогуливаются по территории, почёсываясь. Ну да Бог им судья!

Ужин нам привезли сегодня прямо в скит. Он был очень вкусным и сытным. Честно говоря, мы уже порядком подустали от однообразной пищи в рабочей трапезной. Кормили народ я (а как же иначе? Не зря Катя называет меня буфетчицей! Кстати: «Товарищ буфетчица, загоните зверей в клетки!» – очень актуальная фраза для этих мужиков), Настя и Катя-комендант. Оставили еды и нашим труженикам на дальних флангах скита, да не уберегли от этих наглых оглоедов-трутней: всё без стыда и совести съели за голодающих наших работяг!

Трудились до десяти часов, благо, темнеет очень поздно: белые северные ночи. Полуживые вернулись в «отель» ровно в одиннадцать. Помыли посуду, термосы, помылись сами, попили чаю, помолились и легли спать.

XI

Восьмое июля. День Петра и Февронии Муромских – день семьи, любви и верности.

Рабочий день сегодня начинается не с девяти, как обычно, а с половины одиннадцатого. Я совсем разболелась: горло болит и нос заложен. На руках пять мозолей (две свежие, вчерашние, от секатора). В целях экономии времени и повышения культурно-интеллектуального уровня присоединились с Настей к экскурсии туристов с теплохода (заранее спрашивали благословения у отца Владимира на это). Вместе с экскурсионной же группой сходили на концерт Валаамского хора. Красиво поют, но братский хор на службе сильно отличается по стилистике и исполнению, конечно.

Трудимся с сегодняшнего дня на территории Центральной усадьбы: значит, Владимир Владимирович приехал.

Днём ходили купаться на наше место всей нашей компанией – я, Настя, Катя, Яна. Вода холодненькая, но нас это не остановило.

Перед ужином кушали ягодное мороженое в монастырском саду. За окном тем временем начался грибной ливень... Какая же красота, Господи!..

Устали к вечеру ужасно! Работали сегодня до девяти. Потом пили чай в «нумере», рассказывая смешные истории и то и дело смеясь. Попозже попили ещё чаю. Снова. Опять. Столько чая, как здесь, я сроду не пила!

Настя предложила написать каждому из нас четверых небольшое послание на обороте открыток с видами Валаама, которые она приобрела в монастыре. Мы с радостью восприняли эту идею. Единственное условие: прочитать послания друзей на своей открытке можно будет только после нашего расставания в Петербурге. Настя заранее предупредила, что открытки все совершенно разного плана, волей случая может попасться что угодно, вплоть до единственной в этом наборе открытки с видами игуменского кладбища. При этом она посмотрела на меня особо долгим взглядом, отчего все опять громко рассмеялись, а я уже начинала злиться на ту злополучную покупку.

XII

Девятое июля. Надеялись, что работать будем полдня, да не тут-то было: опять до вечера. Народ уже сильно уставший, и это уже видно явно. Вместе с мирянами-туристами, находящимися рядом, трудиться тяжело. Постоянно отвлекаешься от внутренней молитвы и внутреннего умиленного созерцания. Возникает ощущение, будто вернулся с небес на землю. А это неприятно. И, честно признаться, даже весьма больно. Хотя, может, оно и к лучшему? Ведь не так много времени осталось до конца нашей славной трудовой деятельности и возвращении домой. А резкий переход от «небесного» к «земному» был бы куда более болезненным!

Пропальвали и чистили территорию возле игуменского дома и братской трапезной, секаторами подрезали кустарники, чтобы они стали ровными, ухоженными. Проходивший мимо отец Владимир увидел наше с Настей уже не столь бодрое состояние духа и как всегда с улыбкой обратился к нам с вопросом:

- Устали?.. Тяжело?.. А если и поляжете тут – не расстраивайтесь: вас сам Патриарх отпоёт!..

Мы только прыснули, но работать стало веселее и легче.

Отец Владимир, видя состояние команды, неоднократно посылал меня с Настей в магазин за сладким, чтобы подкреплять у всех нас бодрый дух.

И вот, наконец, наступил с одной стороны долгожданный, с другой стороны такой неосознанно отодвигаемый на попозже момент – завершились наши работы, наше трудничество! Было странно видеть какие-то вдруг растерявшиеся лица друг друга, мы не знали даже, что и сказать в эту вроде бы малозначительную, но такую торжественную для нас минуту. С лёгкой грустью и сильной усталостью, но и большой радостью от такого опыта, мы отнесли инструменты, потихоньку разоблачились из наших рабочих нарядов и медленно поплелись «в нумера» отмываться и одеваться в более праздничную одежду.

На территории уже множество сотрудников охраны. И почти все в штатском, чтобы особо не привлекать внимание. На меня часто поглядывают с интересом сейчас: мой чеканный шаг, походка, сдержанные движения и заинтересованный во всём взгляд приближают меня отчасти к работникам служб безопасности.

Набрала немного чёрной смородины и крыжовника у монастырского кафе, куда зашли с Настей «отметить» последний день послушаний – поесть мороженое. После мы отправились в последний раз на причал, где к своему удивлению увидели отца Владимира и несколько работавших под его чутким руководством наших трудников-экологов. Спросив благословения, угостила всех ягодками. Отец Владимир посмеялся, сказав мне, что моё послушание официально окончено, а Господь всё же привёл меня и сюда к труждающимся с трапезой. После он многозначительно сказал мне в который раз: «И всё же вам следовало бы подумать о своём будущем особенно серьёзно... Тем более после этой поездки сюда... Школа... Преподавание... Конечно, дело хорошее... Но вам как-то этого мало, что ли... Чувствую, что-то сильно у вас сейчас должно перемениться в жизни... Прямо кардинальным образом... После Валаама жизнь должна измениться, вспомните мои слова потом», – добавил он с дружелюбной и участливой улыбкой.

Мы ещё немного постояли рядом с работающими, отец Владимир вдруг пошутил:

- Да, эти трудники на корабль при отъезде не взойдут, у них венцы будут!..

- На корабль не взойдут, а прямо по воде и пойдут! – пошутила в ответ я, вспоминая примеры из житий многих святых, для которых подобное перемещение в пространстве не составляло особого труда.

- Хорошо-о-о!.. – протянул, широко улыбаясь, отец Владимир, видимо, запоминая эту нашу удачную шутку.

Последний день послушаний! Я даже прослезилась, подняв глаза к вершине купола главного собора, когда отец Владимир нас торжественно отпустил с последних работ. Слава Богу за всё! Сподобил Господь побывать и потрудиться в таком святом месте!..

Вечером исповедались и около полуночи встали втроем с Настей и Катей на совместную молитву – подготовку ко Причастию.

ХIII

Десятое июля. Причастились, слава Богу! Увидели Патриарха при торжественной официальной встрече!.. Все монахи и сподобившиеся присутствовать здесь паломники, туристы, сотрудники, трудники долго стояли под тёплым утренним приятно пригревающим солнышком вдоль дорожки, потом вдруг все засуетились, активно заработали камеры у операторов, патриаршая процессия чинно проследовала мимо нас в собор.

Так как сегодня воскресный день, нам снова предстояла долгожданная экскурсия – на этот раз, так как погода замечательная, и нет преград к нашей поездке, мы едем, точнее, идём на корабле на Святой остров! Мирянам туда дороги нет, попасть паломнику почти невозможно, а нас Господь сподобляет такой радости! Воистину дивны дела Твоя, Господи!

Святой остров, где в пятнадцатом веке подвизался святой преподобный Александр Свирский. Поездка получилась чудесной и совсем не утомительной. Кораблик маленький

и только для нас. Солнце! Жара! Тишь да гладь! Красота и благодать! Мало разговаривали и много фотографировали.

Вернувшись, купили у монастыря по копчёной форели домой в качестве валаамского гостинца: уж больно хороша рыбка! Накануне нам довелось её попробовать, устроив своеобразный пикник на берегу озера. Правда, погода в тот вечер была пасмурная, мы подмёрзли, да и кушаний у нас было с собой мало, не говоря уж о накопившейся усталости.

На вечерней службе народу много: туристы приехали к престольному празднику. Я пробыла на службе недолго, в такой толчее боялась потерять то намоленное состояние, которое с таким трудом здесь появилось, к тому же надо было идти собирать вещи: завтра с утра выдвигаемся домой.

Говорят, что гимн Валаама, написанный впервые в «Летописи Валаама», содержит сорок четыре четверостишья. В начале повествования я привела лишь известную укороченную версию, которая исполняется валаамским хором. Но сейчас на ум то и дело приходят строки:

*...В твоих долинах и лугах,
Средь диких скал и гордых сосен
Душа молитвенно светла
И счастья большего не просит...*

*...И с миром возвращусь домой,
Оставив груз былых сомнений.
О, дивный остров Валаам!
Край чистых дум и устремлений!*

XIV

Одиннадцатое июля. В душе моей противоречивые чувства: частица моего сердца навсегда остаётся здесь...

Отец Владимир не появлялся ни вчера, ни сегодня. Видно, много хлопот, а, может, слёз и прощаний не любит...

Вчера вечером нам каждому принесли в номера по куску копчёной форели. Вкусно и приятно. Громких слов никто не говорил: уж очень все устали за последние дни.

Несколько человек решили задержаться ещё на пару-тройку дней на престольный праздник (который сегодня) да и просто ещё душой отдохнуть.

Отъезд теплохода «Святитель Николай» был ровно в девять утра. В монастыре уже народу ужас сколько! Вечером, когда из Петербурга на «Сапсане» мы быстро добрались до Москвы, узнали в новостях, что Владимир Владимирович был на Патриаршей Литургии и даже причастился. Очень жаль, что мы его так и не увидели собственными глазами. Хотя нам бы вряд ли удалось его рассмотреть: уйма охраны, пресса, толпы паломников...

Утешает мысль, что мы потрудились у его дома и оказались здесь именно в это время. Так что, выходит, тоже были частью этого великого праздника!

Погода сегодня чудесная! Как раз для пересечения Ладоги: безветрие, штиль, солнце, очень тепло. На теплоходе были наши трудники и несколько туристов-паломников.

Во всё время следования загорала на палубе, прочитала купленный на Валааме акафист «Слава Богу за всё» (впервые его увидела здесь: удивительный! Такие слова!) и акафист святителю Николаю. Потом читала маленькую коричневую с золотом (приобрела на Никольском скиту) книжечку – Евангелие на церковнославянском языке, слушала

песнопения валаамского церковного хора, записанного на плеер ещё в Москве... Фотографировались...

Не верится, что две недели подошли к концу, что через несколько часов мы все расстанемся...

Валаамское солнце тоже какое-то чудесное: загорает всего два-три часа, а кожа потом прямо горит! Кстати, мы обратили внимание на то, что время здесь тоже длится несколько отлично от времени дома: даже техника заряжалась вместо нескольких часов не более часа.

У всех нас на лицах читалось состояние тихого внутреннего размышления и осмысления произошедшего и происходящего... Дивный Валаам!

Слава Богу, что мы успели посетить все те места, которые хотели... Что даже смогли несколько раз окунуться в священные воды Ладоги... Вдобавок к нашему труду, молитвам, службам, исповеди, причастию...

В Приозерске нам предложили доехать до Петербурга на микроавтобусе, чему мы обрадовались: полтора часа вместо почти трёх на такси и электричке.

В метро попрощались с Яной: она же сама из Петербурга, ей дальше ехать до дома только на метро осталось. Потом на вокзале проводили Катю, садившуюся на поезд до Нижнего Новгорода. Она ехала домой на фирменном поезде «Волга-Волга», услышав это, я не смогла не сострить:

- А почему не «Обь-Обь»? Или «Иртыш-Иртыш»? На крайний случай «Кама-Кама»?

Оказалось, что мы с Настей могли не ждать свой «Сапсан» несколько часов, а поменять билеты на более ранний поезд, но было уже поздно, когда мы об этом узнали. Думаю, что и это к лучшему: возвращаемся из такого святого места, везём такую благодать, тишину душевную, а тут опять суета одна!

Зато мы спокойно и не спеша простились с Петербургом, сели в сверхбыстрый поезд, через четыре часа будем уже в Москве... Поезд «Сапсан», как сказал командир, временами достигает скорости в двести тридцать километров в час.

Сижу у окошка... Небо голубое, светлое и лёгкое, как на душе у нас сейчас...

Грустно немного. Я мечтала – да что там, просто грезила! – об этом путешествии с прошлого лета. Записалась на этот, четвёртый, заезд ещё в феврале. Много помех было на пути, но, слава Богу, я им не поддавалась и меня они не одолели. При записи на этот заезд неожиданно Настя решила составить мне компанию, чему я несказанно рада: свой человек, да ещё и, как оказалось, в поездке лёгкий, приятный, добродушный и хороший товарищ и собеседник...

Прощай, мой Валаам! Даст Бог, ещё свидимся!..

Глава VI. Послесловие

Позже в интернете мы с нашими новыми валаамскими знакомыми нашли друг друга, создали страничку нашего заезда, куда выложили фотографии и видео. Я жутко расстроилась, что так и не сфотографировалась на память с отцом Владимиром – такая память была бы на всю жизнь! Но однажды...

Кто-то из более позднего заезда выложил его фото на причале, где он смотрит прямо в объектив и как обычно хитро улыбается. После этого я, ликующая, продублировала его фото в нашей группе, дополнив её следующими словами-слоганом: «Недавно вернулся с Валаама и теперь не знаешь, чем заняться?.. Думаешь, что в миру нет послушаний?.. Не можешь заставить себя трудиться без руководства опытного и духовно богатого наставника?.. Тогда мы идём к вам!!!»

А на той открытке, что мы писали друг другу в келье, мои дорогие девочки мне написали (я её прочла дома, как мы условились на острове):

Катя из Нижнего Новгорода: «Анюта! Предводительница, вдохновительница, питательница и утешительница! Кто много отдаёт, тот много получает. Это про тебя. Храни тебя Господь».

Яна из Петербурга: «Дорогая Аня, милейшая из всех милейших, ты такая весёлая, заводная, добрая, душа компании. Оставайся всегда такой же светлой, искренней и настоящей».

Настя: «Анечка, моя любимая, эта поездка показала мне, что ты верный товарищ, близкий духовный друг и добродушный хохотун. Я благодарю тебя за эту поездку, за все дни и вечера, проведённые на Валааме. Желая нам ещё встретиться на этой Святой Земле».

И, если всё же вам, дорогой читатель, небезынтересно, с каким в итоге видом попалась мне открытка, на которой были написаны сии прекрасные слова... То со всей ответственностью заявляю, что, к величайшей радости и дикому восторгу всех, конечно же, мне досталось... именно это ставшее уже знаменитым игуменское кладбище, которое теперь в виде этой колоритной открытки осталось в моём фотоальбоме на долгую память о Валааме.

А в моей жизни буквально через месяц началась полоса событий, в корне поменявших её. Но это уже совсем другая история...

Слава Богу за всё!

2016 год

Александрова А.С.